

К бою!

Автор:

Александр Гулевич

К бою!

Александр Михайлович Гулевич

Боевая фантастика (АСТ) Император поневоле #3

Армада вторжения иной расы ринулась в человеческие миры, но каков смысл биться насмерть, если элиты различных государств, преследуя свои корыстные интересы, не спешат прийти на помощь? Послать в безнадежное сражение все свои скудные силы и в нём сложить голову на радость кликам далеко не лучший вариант – это наихудший из всех возможных вариантов... В предстоящей смертельной схватке даже победа – полдела. Победить внешних и внутренних врагов иными асимметричными методами и, главное, в полной мере воспользоваться плодами своей победы над врагами, вот задача из задач, и эту науку предстоит усвоить Петру Боброву, по воле судьбы бросившему вызов надвигающейся тьме. Удастся ли ему – большой вопрос...

Александр Гулевич

Император поневоле: К бою!

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Александр Гулевич, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Александр Гулевич

Родился в родовой казачьей семье в городе Краснодаре, где и проживает до сих пор. Как все, ходил в детский садик, школу и, когда пришла пора, был призван во внутренние войска МВД СССР, оказавшись в последнем призыве солдат-срочников Советского Союза. Вернувшись домой, продолжил служить и учиться. Прослужил почти 24 года и сейчас в заслуженной отставке. С увлечением занимается литературой, футурологией и многим другим.

Глава 1

Солнце медленно уходило за горизонт, а вместе с ним уходил и ещё один день на этой забытой богом и людьми планете. Более двухсот лет назад здесь существовала независимая колония, но из-за отсутствия серьёзных залежей природный ископаемых люди были вынуждены покинуть её, и с тех пор здесь людей практически не было, разве что изредка залетал какой-нибудь полоумный любитель экстрима. Такие деятели здесь не задерживались, быстро покидали это место и больше никогда не возвращались. Слишком опасные хищники обитали в здешних лесах и долинах, совершенно разучившиеся бояться homo sapiens, оттого и рассматривавшие каждого двуногого как свою потенциальную добычу.

Люди отсюда ушли, оставив после себя многочисленные следы своего пребывания, в том числе и поселение с небольшим космодромом, но на сегодняшний день, где они находились, определить не представлялось возможным. Дикая природа, оставшись наедине сама с собой, достаточно быстро зализала причинённые людьми раны и постепенно разрушила городок и посадочную площадку. Теперь тут были холмы, сплошь заросшие довольно густым кустарником, в которых любили охотиться смертельно опасные рыси.

Среди этого кустарника осторожно шёл молодой мужчина с пороховым охотничьим ружьём крупного калибра. Двигался он не торопясь, при этом не забывая контролировать окружающую обстановку. Его целью было небольшое озеро, в котором обитали дикие утки. Подобравшись на подходящую дистанцию для выстрела, охотник затаился и, выбрав подходящего селезня, медленно прислонил приклад к плечу и прицелился. Громко прозвучавший выстрел испугнул уток, и они, испуганно крича, взмыли в небо и полетели неведомо куда.

Выбравшись из кустарника, он, осторожно ступая по илистому берегу, подошёл к двум подстреленным уткам и, подцепив их на пояс, отправился обратно, только на этот раз выбрав иной маршрут. Обогнув озеро, одинокий охотник неожиданно замер и прислушался. Постояв некоторое время, он чуть скорректировал свой маршрут и углубился в кустарник, медленно переходящий в величественный лес. Пройдя метров триста, мужчина, ещё не отдавая себе отчёта, сорвал с правого плеча ружьё и прицелился в то место, из которого он ощутил на своей спине голодный взгляд хищника. Встретившись с холодными глазами крупной рыси, замершей перед прыжком на двуногую добычу, он замер, готовясь произвести один-единственный точный выстрел. Дикий зверь понял, что его охота сорвалась, и, постояв пару мгновений, разочарованно рыкнул и скрылся где-то в ветках близлежащих деревьев.

Убедившись в отсутствии непосредственной опасности, молодой мужчина продолжил свой путь и через сорок минут оказался возле ручья, протекавшего совсем рядом с одним из холмов с огороженным входом в пещеру. Расположившись у воды, он, отложив в сторону оружие, занялся потрошением добычи. Провозившись с мясом некоторое время, мужчина развёл небольшой костёр, и когда поленья прогорели, оставив после себя пышущие жаром угли, поставил уток на походный вертел...

Это уютное место он нашёл совершенно случайно четыре дня назад во время своего охотничьего рейда и поспешил перенести свой временный лагерь сюда, хотя путь был и не близок. Ему пришлось сделать три ходки. Когда все вещи были перенесены, он хотел было расставить палатку, но его заинтересовала странная расщелина, размытая потоками воды с холма. Взявшись за складную туристскую лопатку, он за пару часов откопал бронированную дверь, закрытую на кодовый замок. Особо не задумываясь, он срезал его плазменным резаком и, отворив дверь, осветил внутрь мощным фонарём. Это оказался типичный складской ангар небольшого размера, в котором длинными рядами стояли какие-то ящики. Войдя в помещение, он немало был удивлён тем

обстоятельством, что воздух здесь оказался совершенно чистым. Пройдясь вдоль рядов, он остановился возле одного из ящиков и, поднатужившись, вскрыл его. В нём оказалась какая-то руда тёмно-бурого цвета. Что это могло быть, он даже не представлял. На всякий случай открыв ещё несколько ящиков, он обнаружил всё ту же самую руду. Пришлось проверить её анализатором на вредоносные излучения и испарения; прибор не обнаружил таковых, и он оставил ящики в покое, они его не интересовали.

Не став больше возиться с непонятными для него вещами, он занялся обустройством своего временного пристанища. Это оказалось не таким уж лёгким делом, как ему показалось вначале, и всё из-за того, что требовалось прорыть новое русло для дождевых потоков, чтобы вода не хлынула в обнаруженный ангар, в котором он планировал жить, пока не придёт сигнал вызова...

Аппетитный аромат, исходящий от хорошо прожарившихся уток, отвлек его от воспоминаний. Молодой мужчина подхватил вертел и, включив силовой барьер, прошёл внутрь. На скорую руку организовав себе стол, он оторвал жирное бедро и с наслаждением впился в него крепкими зубами. Утолив голод, он сложил оставшееся мясо уток в компактный холодильник и, вытерев грязные руки гигиеническими салфетками, прошёл в комнатушку и устало завалился на походную кушетку. Заложив руки за голову и прикрыв глаза, он стал вспоминать...

Он вспоминал, как провёл свое детство и юношество в сиротском приюте. Все те прошедшие годы ему было непросто, приходилось постоянно доказывать своё право занимать довольно высокое положение в неофициальной иерархии среди таких же сирот, как он сам. Он, невзирая ни на что, право это доказал и, получив на руки аттестат зрелости, со своим закадычным приятелем Мартыном нанялся разнорабочим в археологическую экспедицию. Сделанный им когда-то выбор самым радикальным образом изменил его жизнь и всё из-за неожиданного нападения пиратов, хотя надо признать, вся история завертелась с того самого момента, когда он случайно обнаружил императорский перстень. Пираты лишь послужили отправной точкой...

Выхватив перстень из рук умирающего профессорского ассистента и выслушав наставление, он бросился бежать куда глаза глядят от того ужаса, который разыгрался на базе археологической экспедиции. Бежать по болоту было трудно, и он в конечном итоге выдохся и, присев передохнуть, неожиданно

провалился и оказался на борту давно укрытого непроходимым болотом древнего космического корабля. Случилось невозможное, искин, назвавшийся Марго, принял его за наследника давно ушедшего в небытие древнего императора. Так ли это было на самом деле или нет, Бобёр не знал до сих пор, да, в сущности, и разбираться в этом вопросе не имел никакого желания...

Нежданно заполучив в свои руки императорскую космическую яхту, он был вынужден покинуть планету и податься в бега, но так как кораблю требовался капитальный ремонт, его побег завершился на планете Терма, где перерабатывали отслужившее своё космические корабли. Скучать и слоняться без дела целых три месяца он не хотел и по этой причине временно устроился под другим именем в утилизационную компанию. Хотеть-то он хотел, вот только и здесь всё пошло совсем не так, как он изначально запланировал, и опять же из-за пиратского нападения на орбитальную станцию. Вот и пришлось ему пройти на скорую руку учебный курс и взяться за артиллерийскую спарку...

Бой был настолько тяжёлым, что в его памяти мало что сохранилось, разве что остались какие-то разрозненные фрагменты, он только и успевал наводить прицел на цель и стрелять, стрелять и ещё раз стрелять. Сколько по времени так продолжалось, Бобёр не знал, только в какой-то момент отметки нападающих противников исчезли, и бой был завершён, враг, понеся серьёзные потери, отступил, уносясь прочь куда-то в далёкий космос. Всё бы ничего, но, отличившегося во время обороны Термы, его заприметили и, не спрашивая его согласия, отправили на Новый Санкт-Петербург на церемонию награждения с последующим поступлением в Военную академию ВКС. Он не хотел, но был вынужден подчиниться и в результате стал курсантом, с головой уйдя в напряжённую учёбу. Пять лет, наполненные различными перипетиями, чередующимися бесшабашной молодецкой удалью и весельем, пролетели как одно мгновение, и вновь началась совсем иная жизнь...

Прошедшие годы изменили его до неузнаваемости, причём изменения эти протекали как-то незаметно для него, но они хорошо были заметны окружающим. Бобёр стал жёстче и рассудительнее, изменился его внутренний мир и окрепла надличностная надстройка, он стал настоящим воином, изменился и его взгляд на окружающий мир. Он стал совершенно иным человеком, и изменения эти ему самому были по душе. Ему нравилась его новая жизнь, и о другой он себе уже даже и не помышлял, судьба вела его, и дорога эта целиком и полностью соответствовала его внутренним убеждениям, сформированным в Военной академии...

После получения на руки диплома и удостоверения офицера его сразу же увлекла за собой раскручивающаяся воронка стремительно развивающихся событий, и всё благодаря нечаянной находке, обнаруженной им на древнем космическом разведчике, отправленном в утиль на орбитальной станции на Терме. Именно эта находка привела его в банк на Новом Лондоне, благодаря чему он стал владельцем весьма внушительного состояния, а затем и на планету под названием Надежда, о колонии на которой никто и слыхом не слыхивал. Как оказалось в дальнейшем, основали её около трёхсот лет назад члены экипажа того самого пропавшего космического разведчика, вынужденные спастись от преследования британской контрразведкой.

За прошедшие столетия колония разрослась и окрепла, да к тому же запустила обнаруженный в глубоком подземелье мощный инопланетный производственный комплекс по производству вооружений, в том числе и космических кораблей. Неизвестная колония обладала такими технологиями, которые не имело человечество, но не имела ресурсов для строительства боевых кораблей, да и для дальнейшего развития тоже.

Всё это самым радикальным образом повлияло на дальнейшие его шаги, и в результате он взял под свой контроль значительную часть нелегальной торговли списанными военными кораблями, которые продавали американские спецслужбы пиратам, да и не только они, сбывали многие. Глубоко внедрившись в пиратскую среду, Бобер, продолжая собирать разведывательную информацию, регулярно отчитывался своему куратору генералу Гудзе, и в результате открылась страшная картина. Мир стоял на пороге вторжения в человеческие миры агрессивной иной расы... Но хуже всего оказалось даже не то, что иная раса готовилась к вторжению, а то, что они на протяжении нескольких поколений целенаправленно внедрялись в различные государственные структуры ведущих держав, но не только.

Они, по существу, контролировали финансовые потоки человеческой цивилизации и по большому счёту привели к существенному ослаблению не только отдельно взятых государственных образований, но и вообще людей как биологического вида. Тут уже без всякого преувеличения вставал ребром вопрос о физическом выживании рода человеческого...

Он немало потрудился, готовясь встретить лицом к лицу силы вторжения иной расы, потрудились и те его соратники, которые пошли следом за ним. Были захвачены многие высокопоставленные подменыши-клоны, которых

производили в компании, специализирующейся на глубоком омоложении, в том числе и так называемый Хозяин, возглавлявший разведывательную сеть в человеческих мирах. Вражеская армада вторжения замерла в ожидании в районах планетарных систем Хипори и Новой Тортуги, они не спешили пойти в решительную атаку, даже узнав, что их разведывательная сеть обезглавлена.

Определённо они чего-то выжидали, но вот что конкретно, штаб его флота терялся в догадках, не хватало информации. Было лишь несколько более или менее толковых предположений, к одному из которых склонялся и сам Бобёр. Командование агрессоров пребывало в ожидании неких событий, способных парализовать на какое-то время командование вооружёнными силами самых сильных государственных образований, но так ли это было на самом деле, никто поручиться не решался.

Его флот замер в томительном ожидании, укрытый защитными полями в районе Хипори, где была сосредоточена самая большая вражеская группировка. Куда меньшая часть находилась на некотором удалении от Новой Тортуги, где продолжал наводить свой порядок командир вольных пиратов Руперт Вормс. Конкурента Волчьей, где давно свили своё гнездо пираты, бойцы Вормса захватили сами, даже оказывать содействие не пришлось, и всё из-за того, что своевременно удалось по-тихому изъять агентов иной расы в лице Грини и губернатора Новой Тортуги Монтеро. Неразбериха и суровая свара за власть не позволила местным пиратам сколько-нибудь организовать и оказать серьёзное сопротивление, и в результате планета Руперту Вормсу досталась практически без потерь. Вот только теперь он был по уши занят тем, что устанавливал свою личную власть на пиратской планете.

Бобёр его не предупреждал о готовящемся на этом направлении массивном вторжении агрессивной иной расы, да и с чего бы это? В его интересах было основательно проредить эту публику руками врага, но Вормс и сам, будучи опытным командиром, неплохо позаботился об охране Новой Тортуги, во избежание нечаянной атаки. Руперт укреплялся быстро, понимая, что в его положении промедление смерти подобно, оттого и первым делом установил на орбите несколько мощных ракетных платформ, а также модернизировал систему космического контроля. Пусть эти системы были далеко не новыми, но тем не менее эффективность была на достаточно высоком уровне, так что на первое время пиратам Вормса хватит за глаза. Главное, чтобы они приняли на себя первый удар вторгнувшейся армады и на какое-то время сдержали агрессора, а когда от пиратского флота останутся одни ошметки, в дело вступит его второй

ударный флот. Как уж там дальше сложится, одному лишь Богу и ведомо.

Помощи ждать не приходилось, оставалось лишь полагаться исключительно на себя, в связи с чем потери ожидались огромные, но ничего с этим поделать было нельзя, так карты на стол легли. Благо на Надежде сейчас клепали автоматические боевые корабли, управляемые из единого командного центра, что существенно сокращало потребность в опытных экипажах, но в свою очередь потребовало подготовленных операторов и тактически грамотных командиров с операторами. Чем сейчас активно занимались на Бастионе, где был создан специализированный центр подготовки операторов и командиров автоматизированных боевых эскадр. Вот только дело это не быстрое, не так-то это просто подготовить настоящих профессионалов на совершенно новую технику. Для этого требовалось время, которого, по сути, и не было, так что любая задержка начала вторжения ему и его флоту играла на руку, хотя и тут были свои весьма существенные минусы. Пока его флот скрывался под пеленой невидимости и подготавливались кадры резерва для возмещения будущих потерь, противник также не сидел сложа руки, усиленно готовясь к широкомасштабному вторжению.

Всё зависло в тревожном напряжении, пружина реальности сжималась всё сильнее и сильнее, и недалёк был тот час, когда, дойдя до своего нижнего предела, она молниеносно разожмется, и события понесутся словно ураган. Когда точно это произойдёт, сказать никто не мог, но по внутренним ощущениям самого Бобра, оставалось ждать совсем недолго. Напряжение возрастало с каждой минутой, а так как от него лично уже практически ничего не зависело, он решил не смущать своим присутствием командование в лице адмирала Верещагина с его штабом и улетел на ближайшую планету, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. Он не был офицером военного флота и по этой причине не лез в ту сферу, где он профессионалом не являлся. Каждый должен заниматься тем, в чём лучше всего разбирается, и не вставлять палки в колёса своими глупыми инициативами; но являясь командиром всего этого разношёрстного воинства, приходилось держать всё под своим негласным контролем.

Донесения приходили регулярно, многие из которых друг друга дублировали, так как исходили из разных источников, и пока поводов для беспокойства не имелось. Адмирал Верещагин и его штаб активно готовились к предстоящему сражению, и никто отступить даже не помышлял. Боевой дух личного состава был необычайно высок, все верили в победу, а значит, о поражении не могло

быть даже и речи, на кону стояло выживание всего человечества как вида...

Уже засыпая, Бобёр уловил тревожный сигнал, сообщавший о том, что некто подошёл к силовому барьеру, защищавшему его убежище. Резко поднявшись с лежака и схватив пехотный лучеём, он прошёл к двери и, остановившись возле блока управления силовым щитом, внимательно взгляделся в экран, на котором отчётливо была видна человеческая фигура. Первую минуту он никак не мог распознать того, кто там маячил, но вдруг неизвестный мужчина обернулся, и Бобёр сразу его узнал, это был Корнелиус, начальник службы безопасности главы Сената Фармера-старшего. Ему ничего не оставалось, как поставить оружие на предохранитель, и, отключив силовую защиту, он шагнул навстречу тому человеку, которому с недавнего времени непосредственно подчинялся...

Открыв стальную дверь, полковник покинул заброшенный склад и, встретившись взглядом со своим куратором, кивнул и, подойдя к нему, протянул руку для приветствия. Корнелиус, пристально взглядевшись в лицо своего давнего подопечного, пожал руку и с глубоко затаённой грустью заговорил:

– Ну, здравствуй, Бобёр. Ты, я смотрю, тут на природе в полном одиночестве прохлаждаешься, пока твой флот завис в ожидании вторжения. Не стыдно ли?

– Нисколько, Корнелиус, – усмехнулся он в ответ, – сейчас я там точно лишний. Нечего своим начальственным присутствием напрягать и без того нервную обстановку, моё время придёт несколько позже.

Одобрительно качнув головой, Корнелиус с задумчивым видом осмотрелся по сторонам и предложил:

– Давай пройдем в твою берлогу и серьёзно поговорим.

Кивнув, Бобёр развернулся и первым пошёл в своё лежбище. Они прошли в складское помещение, давно погребённое под нанесённым грунтом и покрытое кустарником с небольшими деревьями. Войдя в комнатку, он предложил присесть на табурет, и когда Корнелиус пристроился на него, присел напротив и, помолчав несколько мгновений, задал своему куратору вопрос:

– Так и о чём ты хотел со мной поговорить?

Корнелиус замер на несколько мгновений, пристально всматриваясь в глаза своего собеседника, который впервые обратился к нему на «ты», и, глубоко вздохнув, стал обстоятельно отвечать:

– Знаешь, Бобёр, а я теперь в бегах, похоже, Фармер на старости лет совсем с катушек слетел. В стране хрен знает что происходит, всякие проходимцы и представители пятой колонны во власть лезут, и никто их не останавливает. Прямо-таки всеобщее помешательство, и всё это происходит в тот самый момент, когда человечество стоит на пороге вторжения агрессивной иной расы. Вот я и решил к тебе рвануть, надеюсь, у тебя для меня найдётся какая-нибудь подходящая вакансия?

– Что-нибудь подходящее для тебя подберу, тем более с опытными кадрами у нас действительно напряжёнка, – отозвался Бобёр, совершенно не скрывая удивления от того, что такой человек взял и, всё бросив, подался в бега на окраину человеческой цивилизации. Помолчав несколько мгновений, полковник поднял свой взгляд на бывшего начальника службы безопасности и задал вопрос:

– Неужели всё так плохо на Новом Санкт-Петербурге?

– Ты когда последний раз смотрел новости из Питера? – вопросом на вопрос ответил Корнелиус, чуть отвернув в сторону свой взгляд. В задумчивости помолчав несколько мгновений, Бобёр взглянул на своего гостя и, пожевав губами, ответил:

– Да уж месяца так полтора я не заглядывал в инфосеть, как-то не до того было. Слишком занят был организационными вопросами и подготовкой флота, снабжением и всеми остальными сопутствующими делами, благодаря которым мы сейчас готовы во всеоружии встретить врага рода человеческого.

Чуть поникнув, Корнелиус тяжело вздохнул и негромко заговорил:

– Ситуация пошла вразнос уже довольно давно, хотя радикальные проявления до недавнего времени купировать вполне удавалось, но теперь уже ситуация сильно изменилась. Бесспорно, подменыши поработали на славу, но и без них в нашем обществе накопилось достаточно неразрешённых противоречий, готовых при определённом стечении обстоятельств привести к социальному взрыву, вот

туда-то и вбили они клин. Раскол элиты – вот в чём основная проблема, которую так просто разрешить никак не получится, только силовой путь позволит остановить надвигающийся хаос, а сил-то по сути никаких нет. Успокаивает только то, что у других наших так называемых партнёров ситуация примерно такая же, а то и куда хуже. Одна надежда на тебя, Бобёр, и на твой флот. Иных сил не существует. Нет, конечно, какое-то сопротивление флоты крупных государств смогут на некоторое время оказать, но и только. В данный момент на помощь российского флота тебе рассчитывать не следует, Новый Новороссийск до сих пор отбивает постоянные атаки турецкого флота, а Новый Туапсе всё так же заблокирован, и тяжелейшие сражения уже идут на поверхности планеты. Части Кубанского казачьего войска, используя местные ресурсы, успешно перемалывают османский десант, а волчьи стаи больно пощипывают флот, блокирующий планету. Это ещё не победа, но турки основательно увязли, и в ближайшее время силы вторжения будут атакованы основными силами нашего флота.

Полковник хмыкнул и, покачав головой, с кривоватой ухмылкой отозвался:

– Насчёт османов – это, конечно, хорошо, но больно уж много вы от меня хотите, тут разговор идет, удержим ли мы противника вообще, или будем вынуждены отступить. Похоже, враг скрытно перебрасывает со своей метрополии серьёзное подкрепление, и он с каждой минутой наращивает свой ударный кулак, становясь всё сильнее и сильнее. Боюсь, наличного флота может и не хватить, так что мы в очень сложном положении, вероятнее всего может случиться, что мы тут все в районе Хипори и поляжем. Одно радует: та группировка, что концентрируется в районе Новой Тортуги, не так велика и имеет, судя по всему, в планах противника второстепенное значение, так что я за то направление более или менее спокоен.

Корнелиус глубоко задумался. Все его надежды и планы вдруг дали трещину и могли вообще разлететься на мельчайшие ошмётки, хотя если весь с таким огромным трудом созданный флот погибнет, то не только его планы полетят коту под хвост, но и вообще всё человечество будет уничтожено или поработщено. Сокрушённо покрутив головой и с силой почесав стриженный затылок, он бросил взгляд на теперь уже бывшего своего подопечного и вкрадчиво поинтересовался:

– Каковы твои планы, Бобёр?

– Всё будет зависеть от того, с какими силами на этом направлении противник начнёт вторжение, вот тогда и будем принимать решение, как быть дальше, а сейчас об этом говорить преждевременно, – отрицательно покрутив головой, ответил Бобёр, совершенно не желая делиться стратегически важной информацией. Корнелиус, конечно, заслуживал доверия, но он в любом случае был не сам по себе, за ним определённы стояли некие структуры, так что в данном случае лучшей политикой было держать рот на замке...

Неожиданно запиликал настойчивый сигнал вызова. Резко обернувшись, Бобёр мысленно включил соединение и заслушал доклад адмирала Верещагина. Внимательно его выслушав, он, тяжело вздохнув, задал несколько вопросов, и, получив на них ответы, полковник отключил связь и, взглянув на Корнелиуса, негромко сообщил:

– Замечено активное передвижение вражеского флота, по всей вероятности, в самое ближайшее время начнётся массированное вторжение. Надо немедленно возвращаться на флагман и готовиться принять бой.

– Бобёр, я с тобой! – заявил беглый начальник службы безопасности главы Сената Фармера-старшего.

– Если хочешь, полетели, но учти, приказы надо выполнять, а не обсуждать, сам понимаешь, командир должен быть только один, и это не обсуждается вообще, – строго взирая на бывшего куратора, проговорил Бобёр, собирая свои личные вещи в походный рюкзак.

– Я всё понимаю, – согласился тот, прекрасно понимая, что сейчас вся его дальнейшая жизнь зависит от этого парня, неожиданно для всех за совсем короткое время набравшего очень даже внушительный вес и авторитет.

Быстро уложив вещи, Бобёр вызвал десантный бот, и спустя пять минут они вместе погрузились в него и полетели к флагману боевого флота, давно готового сразиться с врагом, желающим поработить человеческую расу. За прошедшие полтора часа полёта Бобёр с Корнелиусом друг с другом практически не общались, так как полковник сразу же взялся за изучение поступающих разведданных, а они были тревожны. Противник зашевелился, отдельные эскадры его флота меняли диспозицию в построении, да и вообще все признаки говорили о том, что его корабли перестраиваются в атакующий

ордер и до начала полномасштабного вторжения остались буквально считанные часы. Внимательно пересмотрев выстраиваемый ордер, Бобер связался с искином своего корабля и попросил Марго пересчитать общее количество вымпелов, и, спустя некоторое время получив ответ, глубоко задумался. Общее количество боевых кораблей на этом направлении превысило четыре тысячи единиц, причём авианосная группа имела в своём составе аж две сотни крупных авианосцев, что было очень много. Количественно противник превышал его силы в два с половиной раза, но его корабли в техническом плане были более совершенные, но не до такой степени, чтобы можно было с уверенностью говорить о подавляющем техническом превосходстве.

Тяжело вздохнув, Бобёр взялся за изучение текущей обстановки в районе Новой Тортуги и спустя некоторое время выдохнул с облегчением. Здесь уже количественно противник не имел столь существенного перевеса, общее количество вымпелов, готовящихся к вторжению, не превышало тысячи двухсот единиц. Противостоять им должны были почти шесть сотен пиратских кораблей различных классов и его второй флот, состоящий из двухсот восьмидесяти двух вымпелов, а также минные заграждения и автоматические торпедные платформы. Ситуация складывалась напряжённая, но далеко не столь критичная, как на Хипори...

Десантный бот вошёл на стыковочную палубу флагманского линкора, и Бобёр в сопровождении Корнелиуса покинул его борт и решительно направился в штаб флота. Поднявшись на лифте в штабной отсек, он оставил бывшего начальника службы безопасности в приёмной, так как тот не имел ещё оформленный пропуск, и вошёл внутрь.

– Здравия желаю, командир! – лихо отдав воинское приветствие, рявкнул адмирал Верещагин, шагнув ему навстречу.

– Здравия желаю, Василий Петрович. Доложите обстановку, – потребовал Бобёр, внимательно вглядываясь в серьёзное лицо командующего его флотом.

Адмирал, нахмутив брови и краем глаза взглянув на экраны с поступающей оперативной информацией, стал отвечать:

– Три часа назад к вражеской армаде скрытно прибыло подкрепление в количестве семисот шестидесяти двух вымпелов, и сразу же командование

противника взялось формировать атакующий ордер. По нашим расчётам полное сосредоточение завершится где-то через два часа, но на прорыв армада будет готова пойти через три с половиной часа. Силы велики, но и мы чего-то да стоим. Надо признать, однозначно утверждать, что мы одержим победу, невозможно. Мы не знаем, каковы их реальные возможности на поле боя, первые боестолкновения покажут, каков противник в деле, и тогда уже можно будет делать достаточно объективные выводы.

Подполковник глубоко задумался, информация о тактико-технических характеристиках кораблей противника им была более или менее известна благодаря Марго, но вот каковы их тактические приёмы, до сих пор оставалось тайной за семью печатями. Даже искин его корабля не мог выяснить этот момент, что вызывало тревожность. Помолчав в задумчивости некоторое время, Бобёр внимательно посмотрел на адмирала и негромко поинтересовался:

– Василий Петрович, каков план предстоящего сражения?

Верещагин, чуть поджав нижнюю губу, заговорил:

– В нашем случае лучшей стратегией будет выждать момент, когда около тридцати процентов вражеского флота втянется на минные поля, и тогда их частично активировать и произвести обстрел из автоматических торпедных платформ. Для отсечения от основной части флота противника будут задействованы волчьи стаи, состоящие из торпедоносцев и эсминцев прикрытия. Это первый этап, но следующий целиком и полностью будет зависеть от той стратегии, которую изберёт командование вражеским флотом. Все возможные и даже невозможные варианты самым тщательным образом отработаны, так что мы ко всему готовы. В любом случае, когда дело дойдёт до прямого столкновения флотов, первыми их встретят автоматические эскадры, а после уже вступят корабли с человеческими экипажами. Примерно вот такая схема, иного в нынешних обстоятельствах изобретать нет никакого смысла...

– Ну, что ж, Василий Петрович, я целиком и полностью согласен с вашим планом предстоящего сражения, но проработали ли вы возможные пути отступления?

– Разумеется, командир, мы и это предусмотрели, – ответил адмирал Верещагин и, помолчав несколько мгновений, добавил: – Несколько небольших эскадр прикрытия тыла, укрытые защитными полями, уже находятся на диспозициях.

– Значит, ждём, когда противник сделает свой ход, – выдохнул Бобёр, всем своим видом демонстрируя адмиралу и офицерам штаба полную уверенность в победе, хотя в душе его такой уверенности не было и в помине. Противник был очень силён, и ещё неизвестно, какие он приготовил сюрпризы, а то, что они должны быть, это как пить дать, не зря же они так долго и тщательно подготавливались к вторжению...

– Недолго осталось, командир, – выдохнул Верещагин, также демонстрируя полную уверенность в своём превосходстве, а вот что он думал в действительности, оставалось для подполковника большой загадкой, слишком хорошо он прятал свои мысли и эмоции от окружающих.

– Хорошо, адмирал, я в свою каюту на некоторое время отлучусь, и вернусь. Если будут какие-либо изменения оперативной обстановки, немедленно вызывайте меня, – распорядился Бобёр и, покинув штаб, вместе с Корнелиусом направился в свою каюту.

Предложив своему гостю присесть на диван, он быстро переоделся в комбинезон и, присев рядом, вошёл в инфосеть и вывел на большой экран новостной канал с Санкт-Петербурга. Первое, что бросилось в глаза, так это короткие сообщения с передовой с Нового Туапсе, где казачьи части разгромили большую колонну бронетехники турецкой армии и пленили около двух сотен десантников. Другой сюжет касался Нового Новороссийска, где эскадра рейдеров успешно уничтожила караван снабжения турецкого флота, а вот третий блок новостей был посвящён внутренним делам, и вот тут-то Бобёр от увиденной картины чуть с дивана не свалился от изумления. Невзирая на военное положение, Фармер объявил дату выборов в Сенат по партийным спискам, что вообще ни в какие ворота не лезло...

– Корнелиус, я что-то не пойму, как это вообще понимать можно? – с немалым удивлением взирая на своего собеседника, поинтересовался он, не понимая, как в таких условиях возможно идти на такой шаг во время военного положения, тут дело пахло откровенным безумием или диверсией.

Бывший начальник службы безопасности главы Сената, зябко передёрнув плечами, хмуро посмотрел на подполковника и сухо произнёс:

– Похоже, у него с головой какие-то проблемы или подавили его, а вот кто, я, честное слово, теряюсь в догадках, желающих и, главное, могущих это сделать на самом деле хватает. В такие дела я допущен никогда не был, хотя и вертелся всегда рядом, но когда дело касается высокой политики, встречи происходят исключительно тет-а-тет, потому как слишком велики ставки.

Тяжело тряхнув головой, Бобёр с дурными предчувствиями переключил канал с международными новостями и, увидев то, что происходит на улицах Нового Вашингтона, крикнул от изумления. Все центральные улицы были переполнены митингующими, причём уже даже происходили эпизодические стычки с полицией. Судя по транслируемой картинке, накал страстей имел чёткую тенденцию на возрастание, и если силами правопорядка в ближайшее время не будут предприняты превентивные меры, непременно ситуация выйдет из-под контроля...

В глубокой задумчивости попереключав несколько каналов, Бобёр нервно почесал за ухом. Буквально во всех крупных городах ведущих держав происходили массовые беспорядки, мировую финансовую систему трясло, курсы валют скакали как сумасшедшие, рынки лихорадило, уровень жизни стремительно летел в пропасть. В ядре человеческой цивилизации назревал самый настоящий хаос, и всё это буквально за три часа до начала вторжения иной расы! Схватившись за голову, подполковник не выдержал переполнявших его эмоций и сквозь зубы выругался. Агентура враждебной расы постаралась на славу, человеческую цивилизацию лихорадило капитально, и что-то с этим сделать было не в его власти...

– Это полная катастрофа! – взвыл Корнелиус, с округлившимися глазами всматриваясь в экран, где погромщики в столичном округе Нового Берлина разносили в щепки центр германской столицы, и полиция ничего с этим не могла поделать, или ей такую команду не давали.

– Это полярный пушистый северный зверёк... – проворчал в ответ Бобёр, лихорадочно прикидывая в уме, к каким последствиям это приведёт в самое ближайшее время, и результат этот ему категорически не понравился. Он и его люди, значит, тут в окрестностях Хипори костями лечь собираются, чтобы остановить вторжение иной расы, а они там, значит, выборами в Сенат увлекаются, а другие погромами развлекаются, вместо того чтобы войска отмотилизовать и готовиться к вторжению.

– Что делать будем? – неожиданно охрипшим голосом спросил Корнелиус, уже задумываясь, а не зря ли он рванул к своему бывшему подопечному.

– Не знаю, надо думать, – в ответ проворчал Бобёр, потирая подбородок, и, взглянув в глаза своего собеседника, негромким голосом заговорил: – Это ж сколько подменышей внедрить успели и сколько предстоит работы, чтобы всех их выявить, я даже себе представить не могу, но ведь не только в них дело, на самом-то деле. Если бы не было столь глубоких противоречий в самой человеческой расе, то никакие агенты иной расы не смогли бы привести к столь плачевным результатам, каковые мы наблюдаем сегодня. Не думал я, что когда-нибудь в своей жизни такое произнесу, но нападение османов на Новый Новороссийск и Новое Туапсе сыграло в нашу пользу, так как позволило хоть как-то мобилизовать российские ВКС и военно-промышленный комплекс. Это хоть какая-то страховка в случае прорыва, а вот у остальных картина вообще катастрофична. Большую часть кораблей, находящихся на консервации, пиратам распродали и разоружились, а в результате теперь оказались на краю бездонной пропасти...

Корнелиусу крыть было нечем, его бывший подопечный был совершенно прав, правящие элиты в своих играх заигрались настолько, что в буквальном смысле этого слова поставили человечество на грань физического уничтожения. Ситуация складывалась настолько критичной, что он уже и не знал, как и с какого конца подходить к решению столь масштабной проблемы. Слишком уж грандиозной по своим масштабам она была...

Затянувшееся молчание неожиданно прервал настойчивый вызов. Бобёр внимательно выслушал и, нахмурившись, отключил связь. Медленно обернувшись в сторону своего гостя, он, чуть поджав губы, негромко произнёс:

– Противник резко активизировался и с минуты на минуту пойдёт в наступление. Оставайся в моей каюте, сражение можно будет наблюдать на экране, а я пойду в штаб, сейчас моё место там.

– Победа будет за нами, – с убеждённостью в голосе отозвался в ответ Корнелиус.

Согласно кивнув, Бобёр, покинув каюту, решительно направился в штаб. Прибыв в зал управления флотом, он прошёл к рабочему месту наблюдателя и, присев в

кресло, вывел на экран изображение, транслируемое с разведывательных зондов. Противник действительно завершил выстраивание атакующего ордера и вот-вот должен был пустить вперёд разведывательные группы, за которыми потянутся его основные силы вторжения. Минут через десять так оно и получилось, вперёд пошли тройки малых разведывательных кораблей. Они особо не скрывались, двигаясь сразу по всем направлениям, проверяя на наличие возможных ловушек и минных заграждений. Бобёр с напряжением наблюдал, как вражеские корабли подходят к минным полям, но оно быстро сменилось облегчением. Сканеры вражеских разведчиков не засекали крепостных минных полей и беспрепятственно прошли сквозь них, а спустя ещё полчаса двинулись первые ударные эскадры.

Бобёр в глубокой задумчивости перевёл свой взгляд на командующего флотом. Адмирал Верещагин спокойно наблюдал за действиями противника, время от времени отдавая приказы своим подчинённым. Он действовал без всякой спешки и нервов, всем своим видом демонстрируя решительный боевой настрой, чем поднимал боевой дух всего личного состава вверенного ему флота. Он был профессионалом своего дела, и Бобёр был полностью в нём уверен...

Тяжело вздохнув, он перевёл свой взгляд на личный монитор и продолжил внимательно рассматривать действия противной стороны. Разведывательные тройки прошли скрытые пространственные минные заграждения и, чуть отойдя в стороны, взяли на себя функции боевого охранения наступающего флота. Не выявив наличия сил противодействия, на минные поля потянулось около четверти армады вторжения. С одной стороны, это было хорошо, вот только все артиллерийские рavelины и авианосцы остались в тылу, но тут уже ничего не поделаешь, враг осторожен, что с его стороны вполне разумно, к глубокому сожалению...

Противник входил в зону неспешно, причём ни от кого не скрываясь, совершенно не опасаясь неожиданного противодействия, хотя они, конечно, имели на это вполне себе серьёзные основания. Внедрённая пятая колонна постаралась на славу, и вот теперь ему со всем этим предстояло разбираться, а это ой как не просто. Всё стало до такой степени сложно, хоть волком вой, а только делать-то это всё равно придётся, иначе никак...

Адмирал Верещагин, резко обернувшись и взглядевшись в напряжённые лица офицеров штаба, глубоко вздохнул и негромко произнёс:

– Обратный отчёт пошёл, через сто двадцать секунд произойдёт подрыв пятидесяти пяти процентов пространственных минных полей. Приказываю, сразу после активации выдвинуть автоматический флот на передовые позиции для встречи основных сил врага. Мы принимаем бой.

Офицеры штаба, отдав воинское приветствие своему адмиралу, заняли свои боевые посты и деловито взялись за выполнение поставленного приказа. Бобёр, так же как и они, сосредоточенно стал наблюдать, как передовая часть вражеского флота втягивается в расставленную ловушку, и в какой-то момент участок космоса осветила короткая вспышка. Пыхнуло знатно, и если бы не световые фильтры, легко можно было ослепнуть, но результат того стоил, четверть флота вторжения как корова языком слизала, остались лишь несколько десятков сильно повреждённых судов, потерявших ход.

– Немедленно выслать инженерную эскадру для эвакуации подбитых вражеских кораблей, – распорядился адмирал, не отрываясь от изучения поступающих разведывательных данных.

Он был совершенно прав, подумалось полковнику, доставшиеся трофеи следовало обстоятельно изучить и исследовать. Технические секреты иной расы интересовали в первую очередь, да и не только, необходимо было выяснить, откуда они пришли в человеческие миры, и это на самом деле очень важно. Хотя бы для того, чтобы, когда придёт время нанести ответный визит вежливости...

Вторая атакующая волна противника резко замедлила ход, совершенно не ожидая столкнуться с чем-то подобным на давно разведанном пространстве. Они до сих пор не видели на своих радарх флот противодействия, как и не заметили установку крепостных минных полей с автоматическими торпедными платформами, и это являлось серьёзным преимуществом, и всё благодаря технологиям, добытым на неизвестной колонии под названием Надежда.

Продолжая наблюдать за противником, Бобёр про себя ухмыльнулся, представляя себе, какова реакция на мгновенную потерю четверти своего флота, вот только, судя по всему, праздновать труса они совершенно не собирались. Быстро придя в себя, командующий армадой вторжения немедленно выслал корабли разведки, а за ними следом направились спасательные суда под прикрытием небольших групп крейсеров с эсминцами. Двигались они осторожно, прощупывая радарами пространство, опасаясь вновь влететь в ловушку, но высланные вперёд инженерные корабли уже выбросили десантные партии и

готовились их эвакуировать в тыл. Вот только при этом противник, наконец, увидел наши корабли и взял курс прямо на инженерную эскадру, но они никак не успевали, да и прикрытие не позволило бы отбыть знатные трофеи.

Противник резко активизировался и выслал на подмогу ещё две сотни боевых выпелов, подготавливаясь к продолжению наступления, но всё равно он не поспевал. Инженерная эскадра, захватив полтора десятка повреждённых кораблей, среди которых оказались три тяжёлых крейсера, приступила к их немедленной эвакуации. Заметив это, брошенная на спасение группировка ускорила ход, но неожиданно нарвалась на торпедный обстрел и была вынуждена отступить, потеряв при этом более трёх десятков выпелов.

Армада вторжения вновь перестроилась в атакующий ордер, но вперёд идти не решилась, возникла тактическая пауза. Противник основные силы флота пока не видел и лишь скрипя зубами наблюдал, как из-под их носа уводят подбитые корабли, но так продолжалось совсем недолго. Вперёд выдвинулись огромные артиллерийские рavelины и открыли беглый огонь, пытаясь не допустить эвакуации трофеев, но эффективность оказалась нулевой, так как дистанция оказалась слишком велика для их орудий. Именно это позволило вычислить предельную дальность и мощность орудий главного калибра артиллерийских рavelинов, а это уже было ой как немало.

Поняв бесперспективность, рavelины прекратили огонь, и часть авианосцев выпустили из своих недр несколько тысяч истребителей и пустили их вперёд, с целью нащупать укрытый пеленой невидимости флот. Этот рой разбился на мелкие группы и разлетелся в разные стороны. Такая тактика, несомненно, должна была принести свои результаты, но для этого противнику потребуется ещё не менее часа, так что какое-то время в запасе у флота было...

Переключив трансляцию на район Новой Тортуги, Бобёр стал внимательно изучать то, что там происходило. В отличие от Хипори, ситуация там складывалась совсем не радужная, пиратский флот, несмотря на то что сумел достойно встретить вторжение, терпел поражение. Пираты отчаянно сопротивлялись, нанося существенный урон атакующей армаде, но силы были не равны, и по этой причине их объединённый флот таял буквально на глазах. Ещё часа полтора, и от него вообще ничего не останется, но адмирал Верещагин задействовать второй флот не спешил, мало того, он ещё не давал команду активировать пространственные минные поля и автоматические торпедные платформы. Он выжидал наилучшего момента, да и вообще пираты были лишь

расходным материалом, от которого следовало избавиться чужими руками, что сейчас с успехом и происходило. Хотя, конечно, и здесь всё было неоднозначно, кто победит в этой схватке, с уверенностью сказать было невозможно. Всё зависло в тревожном равновесии...

Переключив изображение, транслируемое с Новой Тортуги, обратно на Хипори, Бобёр всмотрелся, как приближаются многочисленные группы истребителей, и увидел тот момент, когда они, наконец, обнаружили флот, укрытый полями отражения, и одновременным залпом выпустили по нему десятки тысяч торпед. Произведя массированный залп, большая часть вражеских истребителей отошли на безопасную дистанцию, а остальные продолжали вертеться на месте, транслируя на флагман изображение нашего флота, приготовившегося к бою. Адмирал Верещагин выдержал паузу, необходимую для замера тактико-технических характеристик выпущенных ракет, и только затем отдал команду произвести встречный залп противоракет. Где-то на полпути большая часть были перехвачены, но треть всё равно смогли прорваться, где они были встречены огнём артиллерийских спарок, и только менее десяти процентов вражеских ракет достигли своих целей.

Выведя на экран список полученных повреждений, Бобёр с облегчением выдохнул, автоматизированный флот не получил сколько-нибудь серьёзных повреждений, все они относились к разряду незначительных, никак не влияющих на боеспособность и легко устранимых штатными ремонтными роботами, что сейчас они и делали. Убрав показания повреждений, Бобёр взгляделся в действия противника. Армада, наконец обнаружив противостоящий ей флот, активно перестраивалась в иную форму атакующего ордера и в ближайшее время должна была пойти в наступление. Главным своим ударным кулаком делая малую истребительную и штурмовую авиацию, за которыми следом пойдут малые торпедоносцы, а уж потом за ними под прикрытием мощных крейсеров подтянутся артиллерийские рavelины. Надо признать, противник действовал быстро и слаженно, выдавая тем самым немалый опыт, и буквально через пять минут авианосцы выпустили тысячи единиц истребителей и штурмовиков, и они, в кратчайшие сроки образовав многочисленные свирепые улья, бросились в атаку...

Управляемый искусственным интеллектом роботизированный флот разделился на несколько разновеликих групп и, таким образом сформировав оборонительный ордер, незамедлительно открыл массированный огонь по атакующей волне сверхмалых целей. Это было непросто, малые, юркие и

высокоскоростные цели стремительно приближались, хотя, конечно, при этом неся существенные потери, но противник не мелочился, ему было жизненно необходимо прорвать оборону, расчленив обороняющихся, а затем по отдельности уничтожить. И вот, наконец, изрядно уменьшившиеся в своём количестве атакующие улья достигли дистанции открытия огня и выпустили своры гончих торпед, а следом за этим, ускорив ход, под прикрытием крейсеров устремились в атаку гигантские артиллерийские рavelины...

Третий час шло непрерывное сражение, накал которого с каждой минутой только возрастал. На Хипори противник всё ещё не мог прорвать оборону роботизированного флота, хотя и нанёс существенный урон, и потери эти продолжали расти, но и армада вторжения уже потеряла почти половину всех своих боевых кораблей, а уж истребители со штурмовиками так уже и вообще на поле боя не появлялись. Шла активная артиллерийская дуэль и обмен торпедными залпами с дальних дистанций. Пространственные минные заграждения давно были израсходованы, даже в резерве автоматических торпедных платформ осталось совсем немного боекомплекта, но, несмотря на это, флот твёрдо держал фронт, не пропуская армаду вторжения.

Несколько хуже обстояло дело на Новой Тортуге. От пиратского флота вообще ничего не осталось, он был уничтожен подчистую. Тут так же, как и на Хипори, вторая армада вторжения влетела в минную ловушку и потеряла существенную часть боевых кораблей и была ещё прорежена автоматическими торпедными платформами. Вот только это нисколько не охладило боевой азарт противника, скорее наоборот – его разожгло, и он с утроенной силой и яростью набросился на второй флот. Враг был силён и решителен, а также обладал серьёзным боевым опытом, так что сражение с ним лёгким назвать язык не поворачивался, бой был изматывающе тяжёл. Чувствительные потери несли противостоящие друг другу стороны, но отступать никто и не собирался.

В глубокой задумчивости Бобёр вывел на экран монитора статистику потерь, а также имеющихся повреждений на кораблях автоматизированной части флота, сейчас ведущих сражение, и стал анализировать. Потери были очень существенные, как и причинённые вражеским огнём повреждения на оставшихся кораблях, хотя и противник был изрядно потрёпан, но тем не менее он до сих пор сохранял свой наступательный потенциал. Он рвался вперёд, не считаясь с понесёнными потерями, желая наконец смять противостоящий ему флот и прорваться в человеческие миры, и надо признать, шансы это сделать у него были далеко не маленькие, даже несмотря на то, что часть флота, в

котором экипажи состояли из людей, всё ещё пребывала в резерве.

Посидев некоторое время в глубокой задумчивости, Бобёр запустил тактическую аналитическую программу и спустя пять минут получил результат, который его совсем не порадовал. Победить в этом сражении они не могли, и всё из-за нехватки боевых кораблей, но и победа противника не сулила ему ничего хорошего, так как наступательный потенциал армады вторжения в этом случае будет уничтожен, а оставшихся сил явно не хватит для задуманной цели, и это не считая повреждённых кораблей. Весь вопрос заключался в том, насколько быстро враг будет в состоянии компенсировать потери за счёт переброски дополнительных резервов для восстановления боеспособности армады вторжения. Если достаточно быстро, то все усилия многих тысяч людей и жертвы, ими понесённые, окажутся напрасными...

Свернув отчёт, Бобёр тяжело вздохнул и, поднявшись с кресла, решительно направился к Верещагину, продолжавшему с помощью мощного искусственного интеллекта управлять ожесточённым сражением. Подойдя вплотную и остановившись, он кашлянул, привлекая к себе внимание, и, когда адмирал обернулся в его сторону, негромко задал вопрос:

– Василий Петрович, как вы планируете продолжать сражение?

Адмирал медленно покрутил головой и, взглядевшись в глаза командира, в задумчивости пожевал губами и очень тихо ответил:

– Сейчас сражение медленно, но верно выходит из точки стратегической неопределённости, причём не в нашу пользу. Да, пока ещё наблюдается относительное равновесие, ни мы, ни противник на данный момент не в состоянии переломить ситуацию в свою пользу, именно по этой причине командование противостоящей нам стороны решило использовать свой численный перевес и ведёт огонь с дальних дистанций. Берут измором, так сказать. В ближайшие несколько часов это не критично, но примерно через двадцать часов такая тактика на нас будет сказываться далеко не самым лучшим образом, и как результат, автоматический флот погибнет в полном составе где-то через двое суток, плюс-минус несколько часов, и тогда придётся задействовать корабли с человеческими экипажами. Вот только делу это не поможет, к исходу четвёртых суток мы будем, скорей всего, уничтожены, хотя армада вторжения лишится не менее двух третей своего состава, из-за чего наступление на человеческие миры станет невозможным или по крайней мере

отложенным на неопределённое время...

Бобёр стоял и напряжённо думал, такой исход сражения его совершенно не устраивал. Вот так взять и погибнуть вместе со своим флотом никак не входило в его планы. Он лично не страшился своей гибели, но вот его труды и труды тех, кто пошёл за ним, тогда пойдут прахом, с чем он согласиться не мог в принципе...

– Василий Петрович, сложить голову на поле боя, конечно, геройский поступок, но мы пришли сюда не для того, чтобы погибнуть. Мы пришли сюда за победой, а раз сейчас она невозможна по техническим причинам, следует отступить, но так, чтобы нанести противнику максимально возможный урон и по максимуму замедлить его продвижение в человеческие миры.

Адмирал, нахмурившись, одобрительно кивнул и, помолчав несколько мгновений, произнёс:

– Как ни горько мне об этом говорить, но вынужден согласиться, погибать на поле боя не есть решение проблемы, нам надо выжить и победить. Именно по этой причине я предлагаю немедленно начать минировать наши тылы и готовить отход. Автоматизированный флот обречён, но он всё ещё способен продержаться достаточное время для постановки пространственных минных заграждений, что позволит сдержать вторжение армады на некоторое время. Нам надо выиграть время, пока не будет построен новый автоматизированный флот, а для этого придётся прикрывать минные поля, уничтожая тральщики. Если удастся, мы выиграем целый месяц, а то и больше.

– Действуйте, Василий Петрович, вы командующий нашим флотом, вам и карты в руки, – чуть улыбнувшись, отозвался Бобёр и, крепко пожав руку, развернулся и неспешно вернулся на своё место, откуда он продолжил наблюдать за происходившим в космосе сражением...

Глава 2

Отложив в сторону распечатку с отчётом с Надежды, где в круглосуточном режиме строился автоматический флот – взамен того, что полторы недели назад в полном составе был уничтожен в районах Хипори и Новой Тортуги, Бобёр тяжело вздохнул. Колонисты с Надежды по времени не успевали сформировать новый флот, хотя и не покладая рук трудились сутками напролёт. Они и так совершили самое настоящее чудо, построив почти две тысячи вымпелов, но этого было слишком мало, так как к армаде вторжения несколько дней назад подошло мощное подкрепление, почти полностью восстановившее эту армаду.

Все прошедшие дни, с момента полного уничтожения автоматизированного флота, они оставшейся частью прикрывали пространственные минные заграждения и торпедные платформы от расчистки противником. Благодаря чему армаде вторжения всё ещё не удалось прорваться в человеческие миры. Вот только эта игра в кошки-мышки подходила к своему логическому завершению, прибывшее к противнику подкрепление полностью меняло расклад сил на поле боя, так что ещё две тысячи боевых кораблей ничего, в сущности, не решали, разве что откладывали вторжение на некоторое время. Ещё несколько дней, и линия активной обороны непременно будет прорвана и вражеская армада неудержимой лавиной устремится в человеческие миры надо было в корне пересматривать стратегию...

Поднявшись с койки, Бобёр прошёлся взад-вперёд и, остановившись возле голографической картины, неожиданно услышал вопрос Корнелиуса:

– Что-то на тебе лица нет, неужели что-то случилось?

Медленно обернувшись в его сторону, полковник внимательно посмотрел на своего собеседника и, выдержав короткую паузу, негромко ответил:

– Ещё не случилось, но непременно случится в ближайшие дни. Противник, обладая значительным численным превосходством, прорвёт пространственные минные заграждения и ворвётся в человеческие миры. Предотвратить прорыв мы не в состоянии, разве что задержать на некоторое время, но в этом случае от нас вообще ничего не останется, мы будем подчистую уничтожены.

Корнелиус в глубокой задумчивости потёр гладко выбритый подбородок и, взглядевшись в молодого человека, вновь задал ему вопрос:

– Что, совсем нет никаких шансов?

Бобёр с кислой миной на лице отрицательно покрутил головой и, отведя в сторону свой взгляд, осторожно подбирая слова, ответил:

– Шансов предотвратить вторжение нет никаких, но победить в этой войне у нас шансы определённо есть, и они далеко не маленькие, как может показаться на первый взгляд, но для этого следует пересмотреть всю нашу стратегию. Придётся позволить врагу ворваться в человеческие миры для того, чтобы наконец всем этим политикам мозги основательно прочистило, по-другому, к моему глубокому сожалению, достучаться до этой придурковатой публики невозможно.

– Пожалуй, ты прав, – с разочарованием выдохнул Корнелиус, – другого выхода действительно нет, но что ты собираешься делать на самом деле?

– Не знаю точно, для начала следует с адмиралом Верещагиным посоветоваться, чем и собираюсь сейчас заняться.

Подхватив тактический планшет, Бобёр покинул свою каюту и решительно направился в командный центр флота. Прибыв на место и ознакомившись с поступающей оперативной информацией, он подошёл к адмиралу Верещагину и, отведя его чуть в сторону, напрямик поинтересовался его дальнейшими планами. Мимолётно бросив взгляд на погруженных в работу офицеров штаба, он глубоко вздохнул и негромко ответил:

– Примерно через трое суток необходимо отступить, но уже сейчас необходимо заняться формированием волчьих стай, которые начнут открытую охоту на отдельные корабли и небольшие эскадры вражеской армады, но наличных сил для этого явно недостаточно. Срочно нужно дополнительно задействовать ещё не менее тысячи вымпелов, и тогда армада вторжения будет таять под нашими точечными ударами малых рейдерских эскадр. Враг должен быть окружён со всех сторон роями разъярённых ос, больно жалящих его при каждом его промахе. Его продвижение вперёд должно сопровождаться лихими наскоками наших рейдеров, они кровью умоются, это я вам, командир, гарантирую.

– Хорошо, Василий Петрович, вызывайте подкрепление с Надежды, но не более половины того, что успели построить и ввести в эксплуатацию. Остальные

корабли пусть остаются в стратегическом резерве. Это всё, что осталось у нас на сегодняшний день, а для того, чтобы построить ещё две тысячи кораблей, потребуется не менее трёх месяцев, – с тяжёлым сердцем согласился Бобёр, прекрасно понимая, что в сложившихся обстоятельствах по-другому поступить невозможно, без стратегического резерва оставаться было никак нельзя, как-никак, а от его наличия зависело выживание.

– Есть командир! – отчеканил адмирал и, резко развернувшись, направился к блоку секретной связи.

Взглядом проводив его, Бобёр присел в кресло своего рабочего места и, просмотрев поступающую оперативную обстановку, взялся за просмотр мировых новостных каналов. Как и ожидалось, о происходившем сражении с армадой вторжения иной расы никто не сообщал вообще, мало того, все каналы были переполнены всевозможными развлекательными программами. Смех, адский хохот на пустом месте и тупые шуточки с аплодисментами – вот что было главным лейтмотивом. Царил самый настоящий пир во время чумы. Только Новый Санкт-Петербург выделялся на общем фоне с предвыборной агитацией в Сенат, хотя и это был тот же самый чумной пир, разве что в иной форме, хотя генеральным штабам ведущих держав адмирал Верещагин информацию о ходе сражения отправлял. Вот только никто даже не почесался, как будто так и должно быть.

Почему так происходило, удивления не вызывало, нечто подобное он изначально и предполагал, так как никто первым рваться на помощь не спешил, предпочитая выждать того момента, когда кто-нибудь это сделает первым, и тем самым ослабить конкурентов. Ведущие мировые политические лидеры были в своём репертуаре, но и со счетов сбрасывать влияния глубоко внедрённой агентуры иной враждебной расы было нельзя. Она продолжала действовать эффективно до сих пор, и пока с этим ничего поделать было нельзя...

Отключив трансляции мировых новостей, Бобёр глубоко вздохнул и, размяв руки, переключился на просмотр поступающих команд адмирала. Действовал Верещагин чётко, связался с командованием на Надежде и срочно потребовал подкрепление и одновременно запустил в дело минные заградители, которые приступили к установке дополнительных эшелонированных пространственных минных заграждений. Роботизированные заградители действовали быстро, разбрасывая свой смертоносный груз в тылу флота, оставляя лишь несколько проходов для отступления. Отдельно работала инженерная эскадра,

устанавливая автоматические торпедные платформы для прикрытия минных заграждений от тральщиков. Всё делалось чётко и без нареканий, но и командование противника не сидело сложа руки. Вражеская армада, ведя плотный огонь с дальних дистанций, перестраивалась, создавая мощный атакующий кулак для одного решительного и смертельного удара. Противник никуда не спешил, да, собственно, и спешить ему не было никакой надобности. Избранная им тактика медленно, но верно приносила свои плоды, флот под его огнём получал повреждения и нёс потери, и недалёк был тот час, когда от него вообще ничего не останется... Благо ещё спасательные суда подбирали капсулы с экипажами погибших кораблей.

Время... Надо было выиграть время для эвакуации вражеских трофейных кораблей и подхода подкрепления для формирования волчьих стай, и если это удастся, то продвижение врага в глубь человеческого ареала должно обернуться для него катастрофой. Именно время являлось самым ценным стратегическим ресурсом, за который сейчас и шло ожесточённое сражение. Вот только приходилось задействовать исключительно свои ресурсы, а на иные рассчитывать не приходилось от слова вообще...

В задумчивости посидев некоторое время, Бобёр набрал номер губернатора Бастиона и, когда на экране появилось его изображение, заговорил:

– Здравствуйте, Константин Георгиевич.

– Здравствуйте, командующий, – отозвался тот в ответ, чуть изогнув губы в еле уловимой приветственной улыбке.

Выдержав короткую паузу, он задал бывшему своему куратору вопрос:

– Константин Георгиевич, как идёт учебный процесс операторов управления автоматическими эскадрами?

– Делаем всё возможное, но первая группа без потери качества обучения будет подготовлена не ранее чем через два месяца. Первый ускоренный выпуск составит порядка трёхсот человек, что позволит на некоторое время перекрыть нехватку личного состава операторов, а ещё через полтора месяца будет второй выпуск в таком же примерно составе, – отрапортовал отставной генерал Гудза, внимательно всматриваясь в лицо бывшего своего подопечного, ставшего

теперь его командующим.

– Неплохо, – признал Бобёр, – но следует ещё и третью группу начать обучать, да и подготовкой четвёртой тоже надо заняться незамедлительно. Впереди нас ждут серьёзнейшие бои и сражения, так что хорошо подготовленный личный состав нам ой как нужен.

– Неужели мы не сможем сдержать армаду вторжения? – спустя несколько мгновений напряжённого молчания вкрадчиво поинтересовался Гудза, прищурив правый глаз.

Бобёр тяжело вздохнул и, пристально посмотрев на отставного генерала, негромко ответил:

– Нет, не сможем, но вот продвижение в глубь наших территорий мы им усложним капитально. Поймите, Константин Георгиевич, мы не можем позволить себе бросить все свои наличные силы для отражения вторжения, у нас их и так прискорбно мало. В условиях, когда ни одна мировая держава не проявила желаний прийти нам на помощь, костями тут ложиться нет никакого резона. Для нас сейчас есть главная задача: сохраниться как реальная и хорошо организованная военная сила и тем самым подвигнуть всех остальных на активное сопротивление.

– Да уж, дело и вправду полный швах! – в сердцах выпалил Гудза, злобно сверкая глазами, и, помолчав несколько мгновений, продолжил: – Как же все эти политические дрызги достали. Тут всё человечество поработить хотят, а они всё тёрки бесконечные между собой учиняют, и конца и края этому нет!

– Вот и я о том же, – выдохнул Бобёр, – если всю эту публику основательно не потрянуть, да так, чтобы аж до самых печёнок пробрало, все наши усилия пойдут прахом.

– Полностью согласен, – качнул головой Гудза, – проучить всю эту нечисть надо, вконец заигрались уроды. Ну, ничего, недолго осталось, нам сейчас действительно о себе подумать надо. Мы тут, кстати, со спецями с Надежды основательно модернизировали эшелонированную оборону планетарной системы и сейчас возводим дополнительную орбитальную крепость. Так что к нам теперь так просто не сунешься, покрошим всех, да и на Надежде дела

обстоят точно так же, по одной схеме оборона выстраивается.

– Да, это действительно важно, – согласился Бобёр и, помолчав одно мгновение, распорядился: – Передайте адмиралу Ивашутину, пусть начинает формировать Иностраннный легион на основе тех, кто проходил обучение на планете-полигоне. Пусть не скупится на толковых наёмников, они нам в самом скором времени понадобятся. Константин Георгиевич, поройтесь по складам и выделите им восстановленное снаряжение и необходимое вооружение с боеприпасами, да и снабжение обеспечьте. Самое лучшее, конечно, выдавать не стоит, так как они по большому счёту расходный материал, но и некондицию давать не надо, ведь они пойдут в самое пекло, для прикрытия наших основных сил.

– Будет исполнено, командующий, – козырнул отставной генерал Гудза.

– Действуйте, Константин Георгиевич.

Попрощавшись с Гудзой, Бобёр размялся и вновь взялся за просмотр оперативной обстановки на поле боя, в которой до сих пор ничего принципиально не изменилось. Бой всё так же проходил на предельных дистанциях огня тяжёлых артиллерийских рavelинов, пусть эффективность его была не так уж высока, но тем не менее такая тактика пусть и медленно, но приносила свои плоды. Адмирал Верещагин делал всё возможное и невозможное, чтобы избежать преждевременных потерь и получения повреждений кораблями флота, и это ему вполне удавалось. С помощью боевого искусственного интеллекта умело маневрируя эскадрами и отдельными кораблями, ему удавалось существенно снизить потери, тем самым выигрывая драгоценное время для пространственного минирования тыла и прибытия столь необходимого подкрепления...

Продолжая всматриваться в поступающую телеметрию, Бобёр заметил в правом верхнем углу экрана вспыхнувший ярко-оранжевый треугольник с восклицательным знаком, и немедленно нажал на него. Взглянув на сообщение, адресатом которого был дальний разведывательный зонд, Бобёр непроизвольно передёрнул плечами. Под пеленой невидимости с тыла неторопливо крались два десятка вражеских эскадр малых миноносцев. Как они проникли в тыл, было совершенно непонятно, но это уже было не столь важно, главное – вражеское командование смогло скрытно провернуть этот финт. Задуманный удар вполне мог удачно осуществиться, если бы своевременно не были установлены в тылу автоматические разведывательные зонды.

Маленькие и юркие эскадренные торпедоносцы, умело прикрываясь астероидным поясом, приближались к линии атаки. В запасе оставался где-то час времени, чтобы нейтрализовать возникшую угрозу, чем сейчас адмирал Верещагин и занимался. Посылать тяжёлые корабли не имело никакого смысла, пришлось отправлять навстречу малую истребительную авиацию с кораблём снабжения под прикрытием трёх лёгких крейсеров и полутора десятков эсминцев. Быть может, это было излишне, но лучше перестраховаться, чем потом кусать себе локти. Противостоящий враг был далеко непросто, коварен и очень силен, да и в решительности, уме и храбрости ему не откажешь, так что ожидать от него можно абсолютно любой пакости...

Истребительная авиация, включив режим невидимости на полную мощность, стремительно неслась навстречу миноносцам противника, но приблизившись к астероидному поясу, резко замедлила скорость и, рассредоточившись, отдельными эскадрильями стала окружать крадущегося противника. Заняв исходные позиции, истребители получили команду и стремительно набросились на вражеские миноносцы, и закрутился яростный бой. Покров невидимости исчез, и истребительная авиация стала видна на радаре, но не миноносцам тягаться с боевыми истребителями, слишком специализация разной у них была. Эскадренные миноносцы один за другим исчезали в яркой вспышке взрывов, но в этот момент словно чёрт из табакерки выскочили из-за астероидов большое число вражеских истребителей и устремились в атаку.

В экстренном порядке отступив и перестроив боевой порядок, истребители вступили в яростный бой. Несмотря на то что противник численно превосходил более чем в два раза, сражение шло на равных, но это позволило сковать истребительные эскадрильи, благодаря чему торпедоносцы беспрепятственно стали выходить на линию огня. Вот только на их пути встали грозные эсминцы. Одним ракетным залпом они уничтожили оставшиеся эскадренные миноносцы противника, но за считанные мгновения до своей гибели они успели выпустить гонимые торпеды. Два эсминца погибли, и серьёзно поврежден оказался один из лёгких крейсеров прикрытия, из-за чего он потерял ход.

Яростный бой продолжался, истребители противника отчаянно пытались одержать победу, но это никак не удавалось, враг нёс существенные потери, и в результате получасового сражения он был вынужден в спешном порядке отступить в глубь астероидного пояса. Преследовать его не стали, слишком это было рискованно из-за возможных засад, да и вести поиск в таких условиях было крайне проблематично. Риск, конечно, дело благородное, но не в этом случае,

всему есть своя мера, тем более главной задачей было максимально возможное сбережение личного состава и боевых кораблей, так как от этого зависела победа в войне...

Спасательное судно, подобрав спасательные капсулы с личным составом погибших в бою эсминцев, отошло в тыл, и только затем истребители покинули астероидный пояс и взялись попарно патрулировать прилегающее пространство. Лёгкий крейсер, укрывшись полем невидимости, подошёл вплотную к одному из крупных астероидов и выпустил из своих недр несколько сотен дальних разведывательных зондов. Адмирал Верещагин принял решение выяснить, какими маршрутами противник проник в тыл флота, а также стоит ли ожидать в ближайшее время повторения нападения, и если да, то на каких направлениях...

Флот держался, выигрывая драгоценное время. До подхода подкрепления оставалось ещё семьдесят шесть часов, но должен был быть ещё и временной лаг для формирования волчих стай, а значит, продержаться надо было не менее девяноста часов. Получится или нет, пока было неясно, но адмирал Верещагин и штаб флота прилагали невероятные усилия для сдерживания врага, при этом всеми силами сберегая личный состав и боевые корабли. Пока флот не позволял противнику расчистить проходы в пространственных минных заграждениях, но тем не менее мин становилось всё меньше и меньше, да и боезапасы автоматических торпедных платформ подходили к концу.

Командование вражеской армады, как и адмирал Верещагин, действовало осторожно, напролом не лезло, исходя из соображений максимального сбережения боевых кораблей, что внушало некоторый оптимизм. Нежелание противника в самом начале вторжения нести большие потери косвенным образом свидетельствовало о том, что с подкреплением у него не так уж и очень хорошо дела обстоят. Понять его было можно, армада вторжения, только вступив одной ногой в человеческие миры, совершенно неожиданно столкнулась с мощным противодействием неизвестного флота, который смог нанести весьма болезненный урон.

Противостоящие друг другу флоты играли в смертельно опасные кошки-мышки, и пока адмирал Верещагин со штабом при поддержке мощного боевого искусственного интеллекта по очкам существенно переигрывал командование армады вторжения. Вот только огромный численный перевес играл свою роль, боевых кораблей становилось всё меньше и меньше, но и поражением это не было. Это было первым сражением с врагом, разведка боем, так сказать, война

была впереди, и сколько таких сражений в этой войне еще предстоит, предугадать было решительно невозможно...

Глава 3

Подходил к концу второй месяц, как армада вторжения прорвалась в человеческие миры, и всё это время волчьи стаи болезненно пощипывали флотилии врага. Прорвался он как в районе Хипори, так и Новой Тортуги. Враг нёс ощутимые потери, даже несмотря на то, что к нему вновь подошло серьёзное подкрепление. Не вступая в прямые боестолкновения с крупными отрядами кораблей, волчьи стаи совершали дерзкие налёты на отдельные корабли и эскадры противника, а также караваны снабжения, и быстро исчезали, оставляя после себя одни лишь обломки. Все предпринимаемые командованием противника меры противодействия не принесли ему сколько-нибудь приемлемого результата. Адмирал Верещагин не давал противнику ни малейшего шанса подловить хотя бы одну волчью стаю. Избранная тактика оказалась самой эффективной, вражеский флот хоть и медленно, но под внезапными атаками уменьшался, хотя потери не слишком-то задерживали его продвижение в глубь человеческого ареала...

Армада вторжения, не считаясь с потерями, рвалась вперёд, стремясь перерезать все основные торговые маршруты человеческих миров. Враг целенаправленно обрушал экономику ведущих мировых держав, пока особо не сосредотачивая своё внимание на блокировании обжитых планет и не ввязываясь в сражения с крупными флотами. Блокада торговых маршрутов вызвала самую настоящую панику на фондовых рынках и сказалась на биржевых котировках, уровень жизни стремительно обрушился, останавливались многие заводы и фабрики. Всё это приводило к банкротствам и массовой безработице. И до этого беспокойная внутривнутриполитическая обстановка ведущих мировых держав накалилась до предела, вызывая новые волны массовых погромов и ещё более ожесточённые столкновения с силами правопорядка. Многие правительства объявили военное положение и ввели комендантский час, а также в экстренном порядке проводили мобилизацию, но даже вторжение иной расы не стало тем стимулом, который объединил бы все государства для отражения агрессии.

Каждый был сам по себе и не спешил вступать в единый флот, призывы о создании которого то и дело появлялись на голоканалах, но дальше разговоров и призывов дело так и не пошло. Политики и финансово-промышленные корпорации, за ними стоявшие, ни в какую не желали создать единую армию под единым командованием и идти на компромисс между собой, даже невзирая на смертельную опасность, нависшую над человечеством. Все готовились противостоять вторжению иной расы самостоятельно, единственные, кто реально сражался с врагом не на жизнь, а на смерть, были волчьи стаи...

Дослушав доклад генерала Гудзы, Бобёр обвёл внимательным взглядом всех членов оперативного штаба и, помолчав некоторое время, задал вопрос адмиралу Верещагину:

– Василий Петрович, каковы шансы флотов ведущих держав разгромить армаду вторжения и примерно сколько времени на это потребуется?

Поднявшись, Верещагин кашлянул в кулак и спокойно стал отвечать:

– Нет, военный искусственный интеллект таких шансов не выдаёт, и штаб флота с этим выводом полностью согласен. Если флоты объединятся под единым командованием, то шансы серьёзно возрастут, но в это верится с большим трудом. Единственная сила, которая реально воюет с врагом, – это мы. Наши волчьи стаи отлично пощипывают врага, при этом практически не неся боевых потерь, но это не решение проблемы, а лишь некоторая отсрочка. Считаю нужным сказать, что штаб флота настоятельно рекомендует внести изменения в нашу общую стратегию.

– Какие именно? – приподняв правую бровь, вкрадчиво поинтересовался Бобёр, внимательно вглядываясь в глаза адмирала Верещагина.

Чуть склонив голову, Василий Петрович произнёс:

– Мы считаем, есть необходимость заблокировать проходы в наш мир в районах Хипори и Новой Тортуги, только на этот раз необходимо будет создать мощнейший эшелонированный оборонительный пояс и тем самым намертво захлопнуть ловушку. Таким образом, мы заблокируем поступление подкреплений и снабжение армады вторжения, хотя, конечно, это будет непросто, так как придётся выбивать противника с занятых им рубежей. наших

наличных сил для этого вполне хватит, но больших потерь, к сожалению, не избежать.

Бобёр сидел в глубокой задумчивости довольно продолжительное время и, вдруг резко мотнув головой, решительно заговорил:

– Согласен. Такая стратегия в нашей ситуации будет наиболее выигрышной со всех точек зрения. Приступайте к разработке новой стратегии с пошаговым планом и расчётом необходимых ресурсов для её реализации. Также проведите дополнительную разведку районов Хипори и Новой Тортуги, нам нужна подробная информация о противнике.

– Будет исполнено, командующий, – отрапортовал адмирал Верещагин и, испросив разрешения покинуть зал заседаний и его получив, неспешно удалился.

Оставшись в компании бывших своих кураторов, Бобер, в задумчивости оглядев их обоих и остановив свой взгляд на бывшем начальнике службы безопасности главы Сената, вздохнул и задал тому вопрос:

– Корнелиус, как движается дело по созданию единого разведывательного управления и каковы первые результаты?

Поднявшись на ноги и заложив руки за спину, Корнелиус негромко заговорил:

– Организационно-штатная структура разведуправления на сегодняшний день пока окончательно не определена, но тем не менее восемь отделов и тыловая служба со службой обеспечения сформированы в полном объёме и активно работают. Ресурсов, правда, не хватает, но пока справляемся; главное, с кадрами и желающими сотрудничать проблем особых нет. Информация идёт не только из штаб-квартиры ГРУ, но и ЦРУ, там у нас в последнее время появилось немало негласных сторонников. Появились такие и в германской Федеральной разведывательной службе, но не только. Некоторые высокопоставленные сотрудники британской МИ-6 с Нового Лондона изъявили желание с нами активно сотрудничать, и вот они-то и передают нам самую ценную информацию.

Внимательно выслушав ответ Корнелиуса, активно занявшегося формированием полноценного разведывательного управления, Бобёр глубоко задумался. Беглый

начальник личной службы безопасности, преследуя свои личные цели, с поставленной задачей организации разведслужбы справлялся на отлично, так как этому способствовал обширный круг знакомых, в том числе в иностранных спецслужбах. Именно по этой причине, а не какой-либо иной, полковник и произвёл кадровую перестановку, генерал Гудза сложил свои полномочия по управлению разведкой и взялся за организацию полноценной контрразведывательной организации, а также озаботился организацией Управления специальных операций.

Корнелиус работал великолепно, он действительно был мастер своего дела, но в то, что он работает сам по себе, Бобёр не верил, и поэтому за ним самым внимательным образом присматривали и о каждом его шаге докладывали: разведка слишком важное дело, чтобы позволять одному-единственному человеку держать её в своих руках. Нужны противовесы, в противном случае до добра это не доведёт, доверие – штука, может быть, и ценная сама по себе, но цена расплаты за него больно уж велика, особенно сильно она возрастает, когда ты идёшь вверх, с высоты падать, знаете ли, больно очень...

– Очень хорошо, – признал Бобёр, – качественная разведка нам нужна как воздух, но сейчас меня в первую очередь интересует информация политического характера. Собирается ли хоть одно государственное образование подбросить нам боеприпасы и ресурсы для отражения вражеского вторжения?

– На это рассчитывать совершенно не стоит, – отрицательно покачал головой Корнелиус, – нас все очень боятся, пожалуй, даже больше, чем армаду вторжения иной расы. Мы – реальная сила, являющаяся для политического истеблишмента и теми финансово-промышленными кругами, которые находятся за их спинами серьёзной угрозой. Их цель особо не блещет новизной и стратегическим новаторством, истеблишмент всеми силами стремится нашими руками проредить вражескую армаду и тем самым избавиться от нас и затем добить врага. Они победители, а мы никто, вернее будут никем, кто выживет в этой передрыге, забытые герои, так сказать... Вполне разумно с их стороны, надо сказать.

Помолчав некоторое время, Бобёр, перебросившись мимолётным взглядом с генералом Гудзой, вновь задал вопрос:

– Что вы предлагаете?

– Считаю необходимым начинать планомерно отводить волчьи стаи в тыл, тем более они нам в скором времени понадобятся для захвата опорных пунктов на Хипори и Новой Тортуге. Для нас сейчас самое главное – всеми силами сохранить флот, переложив основную тяжесть войны с наших плеч на плечи тех, кто намеревается победить врага чужими, то есть нашими руками.

– Полностью поддерживаю! – живо отозвался генерал Гудза, хищно сверкнув глазами.

– Согласен. Отводить надо постепенно, за исключением российского направления и прилегающих к России территорий, – не меняя положения своего тела в рабочем кресле, отозвался Бобёр на предложение теперь уже начальника разведывательного управления и, помолчав несколько мгновений, поинтересовался: – Сколько времени потребуется для проработки поэтапного вывода волчих стай с боевых рейдов?

– Через сорок восемь часов полностью готовый план будет на вашем столе, командующий, – чётко доложил Корнелиус, продолжая стоять на одном месте, словно монументальный памятник герою прошлых эпох.

– Хорошо, жду вас в это же самое время ровно через два дня, а сейчас я вас более не задерживаю, Корнелиус.

Начальник создаваемого разведуправления, чуть склонив голову, попрощался и покинул зал заседаний. Проводив его задумчивым взглядом, Бобёр, пожевав губами, поднялся и, пройдясь по кабинету, подошёл к окну и, не оборачиваясь в сторону генерала Гудзы, негромко задал ему вопрос:

– Константин Георгиевич, как идут дела у адмирала Ивашутина?

Генерал-майор, поднявшись из-за стола и подойдя к командующему, спокойно стал отвечать:

– Иностраннный легион формируется согласно установленным срокам, этому очень способствует поток добровольцев из разных государств, желающих сражаться с врагом. Правда, есть одна проблема... Модернизация боевых кораблей для легиона вынужденно затягивается из-за перегруженности верфей, все производственные мощности загружены до предела. Восстановление флота

идёт ударными темпами, и через пару месяцев все наши потери непременно будут возмещены, но исходя из численности армады вторжения, этого будет недостаточно. Потребуется ещё четыре или даже пять месяцев для формирования мощного ударного автоматизированного флота, но это предел, наши ресурсы будут истощены. Дольше трёх месяцев такую армаду мы содержать просто не сможем, слишком это дорого обойдётся, даже несмотря на ваши личные золотовалютные резервы.

Обернувшись в сторону генерала, Бобёр внимательно посмотрел в его глаза и со вздохом ответил:

– Флот бездействовать не будет, так что значительная его часть будет уничтожена в боях, а это в свою очередь высвободит задействованные ресурсы и существенно облегчит наше положение.

Успокоив генерала Гудзу, Бобёр задумался. Всё было очень и очень сложно и неоднозначно. Одно дело – решать всё на поле боя, и совсем другое – политика, которой с каждым днём становилось всё больше и больше. Со всеми этими политесами уже голова шла кругом, но ведь другого и не дано, чем выше поднимаешься, тем больше политики и политических игр, причём каждый следующий уровень значительно опаснее предыдущего... Интриги, кругом одни интриги, и ничего с этим не поделаешь, такова жизнь и таковы правила внутривидовой конкуренции.

– Ладно, Константин Георгиевич, давайте вместе слетаем на базу Иностранного легиона и проведём инспекцию того, что уже успел сделать адмирал Ивашутин, а то сдаётся мне, иной возможности нам уже не представится, – предложил Бобёр, и в самом деле где-то в глубине души ощущая, что в самое ближайшее время и вправду будет не до того.

– Да, действительно, надо слетать и посмотреть собственными глазами, что там Ивашутин наворотил, – поддержал его Гудза, с затаённым сочувствием поглядывая на своего бывшего подопечного, на которого нежданно-негаданно навалилась огромная власть и ответственность за судьбы даже не отдельно взятого народа, а всего человечества в целом. Участь, что ни говори, далеко не самая приятная. Выпала ли кому такая судьба за всю историю человечества или нет, генерал Гудза не знал, но лично он ни за какие бы коврижки не согласился поменяться местами с Бобровым. В его понимании, это слишком далеко выходило за рамки того, на что он был готов взяться, чтобы нести за это

личную ответственность...

Глубоко вздохнув, Бобёр, подхватив свой тактический планшет, решительно направился на выход, а за ним следом последовал Константин Георгиевич. Поднявшись на лифте на поверхность планеты, они погрузились в бронированный глайдер и в сопровождении охраны полетели на другой континент, где и располагались учебные базы со складами формируемого Иностранного легиона.

Через час полёта глайдер приземлился на взлётно-посадочную площадку возле штаба, и они вместе проследовали на второй этаж пятиэтажного здания, где и обитал отставной контр-адмирал Ивашутин. Преодолев пост бдительной охраны, они вошли в крыло органалитического отдела, где их и встретил адмирал и, поприветствовав командующего и его сопровождающего, провёл их в отдельный кабинет и, усадив в гостевые кресла, чётко стал докладывать:

– Командир, на сегодняшний день личный состав легиона – более сорока тысяч человек, в основной своей массе это десантно-штурмовые бригады и отдельные полки, а также автоматизированные бронетанковые батальоны и дивизионы ПВО с москитной авиацией. Полностью сформированы восемь оперативно-тактических групп для выполнения самого широкого спектра боевых задач, но вот с боевыми кораблями существует серьёзная проблема. В строю от утверждённого штата находятся лишь двадцать три процента, правда, с транспортными судами проблем нет, они все прошли модернизацию. Как устранить этот недостаток в ближайшее время, я себе даже не представляю.

Бобёр не спешил отвечать глубоко озабоченному адмиралу, он напряжённо размышлял. Своими силами модернизировать старые боевые корабли было нереально, слишком уж верфи были перегружены работой, тут надо было искать какой-то иной вариант. Посидев в задумчивости некоторое время, Бобёр поднял голову и, пристально взглянув на Ивашутина, обратился к нему:

– Илья Николаевич, мы физически не в состоянии почти две сотни кораблей привести в порядок и перевооружить их, нет у нас такой возможности, именно по этой причине я предлагаю иной вариант. Необходимо подобрать какую-нибудь окраинную планету, на которой имеются орбитальные верфи и стапеля для ремонта и восстановления, и загрузить их работой, да и Иностранный легион туда же следует перебазировать, а то уже на Бастионе становится тесно, да и не следует держать яйца в одной корзине.

– Пожалуй, я с вами соглашусь, – спустя несколько мгновений отозвался Ивашутин, – все яйца в одной корзине действительно держать не стоит, да и с политической точки зрения будет куда выгоднее, если Иностраннный легион предстанет для всех в образе достаточно самостоятельного военного оператора.

– У вас есть на примете подходящая планета? – поинтересовался генерал Гудза, просчитывая в уме возможные организационные варианты передислокации такого большого количества войск.

– Две на примете точно есть, но сначала туда необходимо послать разведывательные корабли, чтобы выяснить обстановку, – отозвался адмирал на вопрос коменданта Бастиона, по совместительству возглавлявшего формирующееся Управление контрразведки.

– Посылайте, и как можно скорее, и одновременно приступайте к подготовке к передислокации войск, складов и ремонтных мастерских, – распорядился Бобёр и, вздохнув, заговорил вновь: – Поспешите, Илья Николаевич, времени у нас на раскачку нет совершенно, ситуация накаляется с каждым днём. Поступайте так, как посчитаете необходимым, привлекайте, подкупайте, угрожайте или, в конце концов, отбирайте силой необходимые ресурсы, вам никто и слова не скажет. Только силой не злоупотребляйте, всё должно быть в пределах разумной достаточности. Одним словом, действуйте, сообразуясь с местными реалиями и логикой.

Согласно кивнув, адмирал Ивашутин поднялся и, пройдясь по кабинету, стал негромко говорить:

– Грозные тучи действительно сгущаются, так что власти любой из планет будут только рады, если у них появится серьёзная сила, именно по этой причине особого противодействия с их стороны ожидать не приходится, скорее даже наоборот – окажут всемерное содействие, мы же ведь не пираты, в конце концов. Конечно, ожесточённых боёв с армадой вторжения пока нет, но в ближайшее время всё может радикально измениться... Уже сейчас совершенно ясно, что война будет очень тяжёлой и победа в ней обойдётся крайне дорогой ценой. По сути, война эта изменит само человечество, вот только как, большой вопрос...

Выслушивать философские рассуждения Бобёр категорически не желал, особенно сейчас, настроение не то, да и время с местом неподходящее. Решительно поднявшись, он, мимолётно взглянув на генерала Гудзу, распорядился:

– Илья Николаевич, я прибыл для инспекции нашего Иностранного легиона, надо собственными глазами посмотреть на ваши личные достижения и достижения ваших подчинённых. Необходимо понять, на что мы можем рассчитывать в ближайшей перспективе.

– Командующий, поверьте, нам есть чем похвастаться и даже в немалой степени приятно удивить, – резко подобравшись, проговорил Ивашутин и решительно направился на выход, а за ним следом направились Бобёр с генералом Гудзой. Покинув здание штаба, они погрузились в неприметный глайдер и полетели в месторасположение основных подразделений Иностранного легиона. Через полчаса оказавшись на месте, по просьбе Бобра пилот облетел выстроенный город и многочисленные казармы на его окраине. Внимательно всматриваясь в иллюминатор, командующий с удовлетворением был вынужден признать: адмирал Ивашутин и офицеры его штаба постарались на славу. За какой-то прошедший год выстроить вполне комфортный для жизни город с отлично функционирующей инфраструктурой было далеко не простой задачей, но они, невзирая на все трудности, справились блестяще. Буквально с нуля, в чистом поле отстроить город и создать вполне боеспособную армию мог далеко не каждый...

Завершив облёт, пилот повёл машину на посадку, и спустя пятнадцать минут они на микроавтобусе покатали в сторону казарм, и пока он катился по гладкой влагопропускающей дороге с современной дренажной системой, Ивашутин не скрывая гордости рассказывал о различных передовых технических новшествах, применённых в строительстве города. Как оказалось, такими градостроительными решениями и ультасовременными технологиями похвастаться в человеческих мирах мало кто мог.

Бобёр сидел в кресле и, посматривая в окно, внимательно слушал адмирала, но при этом мысли его двигались совсем в другом направлении. Всё, что говорил Ивашутин, звучало прекрасно, но слишком комфортное житьё-бытьё могло далеко не самым лучшим образом сказаться на способности и, главное, желании воевать с вторгнувшимся врагом. Вот именно это и хотел выяснить Бобёр, он должен был точно знать, на что следовало рассчитывать. Как ни крути, а круто

на картинке выглядеть и быть реально крутым – две совершенно разные реальности, которые вместе как-то плохо друг с другом сходятся, особенно это хорошо заметно в боевых условиях. Время показушной крутости и игры на публику прошло, наступили суровые времена, когда в большой цене реальная сила и способность невзирая ни на что бросить вызов даже самому сильному противнику и победить его...

Микроавтобус, проехав через транспортный КПП, плавно остановился возле входа в штаб первой десантно-штурмовой бригады, и Бобёр, покинув комфортный салон, огляделся по сторонам и задал вопрос адмиралу Ивашутину:

– Илья Николаевич, что-то я личного состава нигде не наблюдаю, да и боксы для бронетехники пусты. Куда все подевались?

– Практически весь личный состав трёх бригад на плановых учениях, отрабатывают полученную вводную на большом полигоне. Им поставлена задача обнаружить, заблокировать и затем уничтожить полк специального назначения глубинной разведки, – ответил Ивашутин, пребывая в приподнятом настроении, и жестом предложил командующему войти в штаб бригады. Согласно кивнув, Бобёр поднялся по каменным ступенькам и вошёл внутрь, где его встретил дежурный офицер. Лихо козырнув, капитан произвёл доклад и чуть отошёл в сторону, давая дорогу командующему. Внимательно присмотревшись к невысокому финну крепкого телосложения, Бобёр, подумав несколько мгновений, задал ему вопрос:

– Как вам, капитан, условия службы, и есть ли какие жалобы или претензии в адрес командования?

Капитан Марко Халонен, нисколько не растерявшись, на хорошо поставленном русском языке чётко ответил:

– Жалоб и претензий нет, командующий, разве что хотелось бы несколько больше выходных, а так всё хорошо. Служба налажена, снабжение и питание на самом высоком уровне, денежное довольствие выплачивается своевременно, так что причин для жалоб нет.

– В таком случае, капитан, проведите для меня экскурсию по штабу бригады, – доброжелательно улыбнувшись, распорядился Бобёр и проследовал за

Халоненом в глубь штаба, а за ним следом направился адмирал Ивашутин. Капитан Халонен без всякого подобострастия взялся объяснять, как устроен штаб бригады и какие порядки установлены командованием. За полчаса пройдясь по зданию и узнав много для себя нового, Бобёр поблагодарил офицера и, отпустив его, вместе с адмиралом прошёл в комнату секретной связи. Закрыв бронированную дверь, проверив помещение на наличие неуставных технических средств фиксации и убедившись в их отсутствии, Ивашутин заговорил:

– Командующий, я не хотел говорить об этом в присутствии кого бы то ни было. Командование легиона некоторое время назад приняло решение создать полноценную службу контрразведывательных операций. Было непросто втайне от всех её создать, но, несмотря на все трудности, она была создана. Результат не заставил себя ждать, за три недели выявлено порядка ста двадцати агентов иностранных разведок, восемнадцать из которых являются офицерами легиона, причём один пребывает в должности командира батальона тылового снабжения. Прикажете всех их арестовать?

Бобёр глубоко задумался. С одной стороны, было бы неплохо одним махом избавиться от чужого пригляда, но с другой стороны, такой шаг ни к чему особо полезному не приведёт. Ну, арестуют всех, ну допросят, ну получим какие-то крохи информации, а на их место придут другие, вот только на этот раз они будут куда более подготовленными, из-за чего вычислить их станет во много раз труднее. Тут надо по-другому, более утончённо подходить, чтобы извлечь из этого максимальную выгоду...

Помолчав некоторое время, Бобёр, чуть наклонив голову вперёд, негромко заговорил:

– Нет, Илья Николаевич, этого делать ни в коем случае нельзя. Наоборот, пусть и дальше продолжают служить, но под бдительным присмотром, а некоторых даже следует продвинуть по служебной карьере, но только в тех случаях, когда это будет нам полезно – противника снабжать убедительной дезинформацией. Примерно так и следует поступать, мы не в том положении, чтобы усложнять себе жизнь.

– Я вас понял, командующий, так действительно будет наиболее выгодно для деятельности контрразведки. Будем наблюдать, как они создают разведывательные сети, вербуя в них агентуру, ну и заодно внедрять в них

своих проверенных людей, – признал адмирал правоту своего командующего, хотя годился ему в отцы и даже деды, слишком велика была разница в возрасте, но тем не менее Ивашутин всецело признавал за этим молодым человеком право отдавать ему команды, которые и выполнял.

– Ладно, Илья Николаевич, пойдёмте, понаблюдаем, как идут учения бригады по уничтожению спецполка глубинной разведки, – поднимаясь с кресла, отдал команду Бобёр и решительно направился на выход из кабинета секретной связи бригады.

Глава 4

Выслушав доклад адмирала Ивашутина, Бобёр вывел на тактический планшет выводы аналитического отдела действий первой десантно-штурмовой бригады и стал внимательно изучать полученные результаты. Личный состав и командование в общем и целом сработали относительно неплохо, поставленная учебно-боевая задача была выполнена. Спецполк был обнаружен, блокирован и спустя сутки учебного сражения в основной своей массе уничтожен, а оставшиеся взяты в плен. Вот только потери бригады оказались слишком существенными, хотя и полк глубинной разведки бойцы далеко не рядовые, таким палец в рот не клади, руку по локоть отгрызут, но в любом случае оргвыводы надо было сделать. Недостаток в подготовке личного состава и тактической грамотности командного состава был налицо.

Отложив в сторону планшет, Бобёр медленно поднялся и, пройдясь вдоль стола, остановился и, внимательно оглядев адмиралов и генерала Гудзу с Корнелиусом, заговорил:

– Господа, вы проделали колоссальную работу, создав вполне боеспособный легион, но, как показали учения, приближенные к реальной боевой обстановке, есть и упущения в тактической подготовке, которые необходимо ликвидировать в самое ближайшее время. Есть и ещё одно наше с вами упущение, мы не создали в Иностранном легионе подразделения психологических операций, хотя именно легиону предстоит действовать главным образом на территориях иностранных государств. Корнелиус, лично возьмите это под свой контроль и решите проблему подбора опытных кадров.

Получив утвердительный кивок начальника контрразведывательного управления, Бобёр, чуть кашлянув, задал вопрос адмиралу Ивашутину:

– Илья Николаевич, вы уже определились, на какую окраинную планету следует передислоцировать легион?

– Так точно. Это Зайоранг, неплохая планета с хорошими промышленными мощностями, а также имеющая довольно мощные орбитальные ремонтные доки, способные произвести капитальный ремонт и модернизацию даже крупных кораблей. При этом серьёзной обороны Зайоранг не имеет, а ВКС составляют лишь устаревшие сторожевые корабли и десятка три эсминцев, а также полтора десятка торпедоносцев и один минный заградитель. Так что руководство колонии, без всяких сомнений, легион для своей защиты примет с распростёртыми объятиями, – отрапортовал Ивашутин, особо не скрывая удовлетворения своими личными достижениями, и оно было вполне заслуженным, адмиралу было чем гордиться, и это признавали все присутствующие в зале заседаний Бастиона.

– Сколько времени потребуется для подготовки передислокации легиона на Зайоранг? – поинтересовался Бобёр, просчитывая в уме возможные варианты дальнейших действий, ведь перемещение Иностранного легиона являлось лишь малой частью общего стратегического плана, для реализации которого приходилось выжимать всё возможное и невозможное, имея в наличии весьма ограниченные ресурсы.

– За пять дней полностью управимся, а на шестой – караван в сопровождении боевых кораблей отправится на место будущего базирования Иностранного легиона.

– Хорошо, Илья Николаевич, можете садиться, – распорядился Бобёр и, помолчав некоторое время, перевёл внимание на адмирала Верещагина и задал ему вопрос: – Василий Петрович, как идёт подготовка к штурму врат в районах Хипори и Новой Тортуги?

Поднявшись, Верещагин огладил отросшие усы и стал отвечать:

– Подготовка идёт полным ходом, половина волчих стай, пощипывавших армаду вторжения, отозваны, к тому же завершают обкатку две тысячи автоматических кораблей, построенных на стапелях Надежды. Логистическое обеспечение снабжения ВКС полностью проработано, осталось провести доразведку Хипори и Новой Тортуги. Где-то через неделю мы получим недостающие разведданные, и можно будет начинать штурм. Боевые эскадры начнут выдвигаться на исходные позиции через четыре дня, но сама атака будет возможна через десять суток.

– Благодарю вас, Василий Петрович, можете присесть, – проговорил Бобёр и, вздохнув, задал вопрос генералу Гудзе: – Константин Георгиевич, как обстоят дела с модернизацией орбитальных крепостей и минированием планетарной системы, а также установкой новейших систем дальнего космического обнаружения?

Одёрнув генеральский китель, Гудза, облокотившись на полированный стол, заговорил:

– Системы дальнего обнаружения уже работают в штатном режиме. Модернизация крепостей практически завершена, осталось протестировать несколько технических цепей, и они будут введены в эксплуатацию. Минирование и установка автоматизированных торпедных платформ всё ещё продолжается, и продолжится ещё не менее трёх недель, быстрее, к сожалению, не получится, слишком объём велик, производственные мощности не справляются. То же самое касается и обороны Надежды, проблемы ведь одни и те же. Мы уже вышли за пределы наших физических возможностей, расход ресурсов идёт во много раз быстрее, чем работают наши добывающие и перерабатывающие автоматические комплексы. В таком авральном режиме на старых запасах протянем ещё не более чем три месяца, а вот дальше производственные мощности встанут из-за отсутствия сырья.

Бобёр и сам это прекрасно знал, но он осознанно пошёл на это, терять-то особо нечего, или пан, или пропал. Срочно нужно было оружие и боеприпасы с хорошим таким запасом, а также ремкомплекты для боевых кораблей. Огорчённо покачав головой, он поднялся и хотел было ответить генералу Гудзе, но в этот момент в его голове послышался голос искина его космической яхты:

– Наследник, у нас намечаются большие проблемы, армада разъединилась на две равные части, и одна из них напрямик устремилась на Бастион. Через сто девяносто часов армада подойдёт к планетарной системе Бастиона. Необходимо

немедленно эвакуировать все силы ВКС вместе с запасами боеприпасов и ремонтных комплектов, в противном случае они попадут в смертельную ловушку. Наследник, тебе также необходимо покинуть Бастион, иначе твои операционные возможности и возможности твоего штаба будут существенно урезаны блокадой.

– Спасибо тебе огромное, Марго, – с чувством глубокой признательности поблагодарил Бобёр искин своего корабля и, попрощавшись, оглядел притихших офицеров его штаба, с тревогой всматривавшихся в его лицо, и, выдержав короткую паузу, заговорил: – Только что поступили самые свежие данные от разведывательных зондов, вражеская армада разделилась на две части, одна осталась на месте, а вот другая взяла курс на Бастион, предположительное время прибытия – через сто девяносто часов. Необходимо максимально ускорить эвакуацию Иностранного легиона, а также тыловых служб наших ВКС со складами, в противном случае всё это будет наглухо заблокировано на Бастионе.

На какое-то мгновение повисла гнетущая тишина, прервать которую первым решился генерал Верещагин. Медленно поднявшись, он оглядел всех присутствующих и хладнокровно поинтересовался:

– Насколько достоверна эта информация и насколько можно ей доверять?

– Она достоверна, – отозвался Бобёр, – слежением за армадой вторжения иной расы занимается искин моей космической яхты, о возможностях которого вы давно в курсе.

Согласно кивнув, Верещагин глубоко вздохнул и заговорил вновь:

– Сто девяносто часов, конечно, мало, но мы непременно уложимся, благо ранее было принято решение о передислокации Иностранного легиона, да и подготовка к штурму Новой Тортуги и Хипори сыграла свою немаловажную роль. Во многом мы готовы к эвакуации, хотя, конечно, это воля случая, а не нашего стратегического предвидения ситуации, что, без всякого сомнения, есть наше упущение, которое могло привести к самым плачевным последствиям. Через сто двадцать часов тыловые службы ВКС и Иностранный легион покинут систему Бастиона, но оставшийся гарнизон должен здесь сковать значительные силы противника, а уж оставшиеся волчьи стаи будут его болезненно пощипывать. Главная задача – не допустить блокады Надежды, так как в этом случае наши

основные промышленные мощности окажутся заблокированы, и тогда через некоторое время наш боевой флот окажется вообще не боеспособен, а это крах всего...

Высказав своё мнение, адмирал Верещагин умолк и, присев в кресло, стал поглядывать на задумчивого генерала Гудзу, являющегося военным губернатором Бастиона. Ждали его реакции и Корнелиус с адмиралом Ивашутиным. Не став затягивать возникшую молчаливую паузу, генерал поднялся и с задумчивым видом обратился ко всем присутствующим в зале заседаний:

– Господа, дело действительно очень серьёзное, противник далеко не так прост, его разведслужбы, несмотря на все наши предосторожности и режим строжайшей секретности, смог выявить одно из звеньев нашей системы противодействия врагу. Весь личный состав гарнизона многократно перепроверен, и я убеждён, никто из наших не работает на противника, а это значит, утечка идёт через агентурные сети других государств. Считаю необходимым арестовать всех резидентов и решительно ликвидировать их разведывательные сети, причём делать это надо немедленно. Время игрищ и политических реверансов прошло, и на его смену пришло время говорить нашим пушкам.

Высказавшись, генерал Гудза пристально посмотрел на Корнелиуса, возглавлявшего Разведывательное управление, тем самым побуждая ответить на его требование. Корнелиус, тяжело вздохнув, качнул головой и, поднявшись, взглянул на командующего и заговорил:

– Соглашусь с мнением военного губернатора, раз пошла такая пляска с саблями, то необходимо всех резидентов и их агентов арестовать и наглухо изолировать. Нам потребуется где-то двенадцать часов, чтобы скрытно подготовиться к предстоящей спецоперации. Есть, конечно, нюансы, главным образом связанные с каналами связи с иностранными разведслужбами по обмену информацией, но в данном случае, невзирая ни на что, всё это требуется отбросить в сторону, время полетесов реально прошло. Утечка стратегически важной информации слишком серьёзна...

Нахмутив брови, Бобёр медленно прошёлся по кабинету, внимательно вслушиваясь в свой внутренний голос, и, через некоторое время остановившись возле голографической карты, сосредоточенно всматриваясь в глаза каждого из

присутствующих, чеканным голосом отдал команду:

– Товарищи офицеры, приказываю максимально ускорить передислокацию Иностранного легиона, а также тыловые склады снабжения ВКС. Управлению контрразведки провести операцию по ликвидации иностранных разведывательных сетей и резидентов. Всем службам и подразделениям гарнизона Бастиона немедленно провести согласованные подготовительные мобилизационные мероприятия, а также взять под полный контроль стратегические склады и привести в действие противодиверсионный план.

Оглядев замерших старших офицеров, Бобёр вздохнул и поинтересовался:

– Приказ понятен?

– Так точно, командующий, – нестройным хором ответили соратники и, получив разрешение, покинули зал заседаний.

Оставшись в одиночестве, Бобёр вывел на экран данные минирования планетарной системы Бастиона и, ознакомившись с результатами, сквозь зубы выругался. Установленных автоматических торпедных платформ и крепостных пространственных минных полей имелось только около тридцати процентов от запланированного. За предстоящие восемь дней этот показатель догонят до пятидесяти процентов, быть может, несколько больше, но не существенно, а это, как ни крути, крайне мало. Блокада с последующим сражением с противником обещала быть очень тяжёлым и кровопролитным испытанием, но, опять же, это было одним из периферийных сражений большой войны с армадой вторжения иной расы. Та же история была и с Хипори и Новой Тортугой. Все они были эпизодами, хотя и очень важными, и со стратегической точки зрения, без всякого сомнения, повлияют на ход всей войны...

Постояв в задумчивости ещё какое-то время, Бобёр выключил экран и, включив штатную систему безопасности, направился на выход из зала заседаний и в сопровождении личных телохранителей поднялся на поверхность. Он лично хотел провести инспектирование двух мощнейших орбитальных крепостей после проведённой на них глубокой модернизации, но это игра на публику, для поддержания репутации. Ему вполне хватало поступающих отчётов производителей работ и независимой агентуры, просто командующему хотелось проветриться, что он с тщательно скрываемым удовольствием и делал,

неспешно шагая по направлению к ангару, в котором стоял выдавший виды орбитальный челнок.

Погрузившись в него, Бобёр полетел на первую орбитальную крепость, постоянно возвращаясь мыслями к только что прошедшему заседанию совета. Ситуация, и до того очень напряжённая, накалилась до предела, предстоящая блокада вражеским флотом Бастиона являлась прямым свидетельством того, что враг уже в точности знает, кто ему противостоит. Командование армады вторжения увидело для себя огромную угрозу и по этой причине всеми силами стремилось угрозу эту нейтрализовать, так что ожидать можно было буквально всё что угодно и откуда угодно. Риски возрастали прямо на глазах, доходя до критических значений...

Пребывая в крайне задумчивом состоянии, Бобёр и не заметил, как его внешне непрезентабельный орбитальный челнок медленно вошёл внутрь причального отсека орбитальной крепости и, пришвартовавшись электромагнитными зацепами к пирсу, замер. Настойчивый сигнал открывшейся аппарели резко вернул командующего в реальность. Поднявшись с анатомического кресла, он включил режим «Телохранилитель» для микроскопического роя дронов и решительно направился на выход. Покинув борт челнока, Бобёр, преодолев пост охраны, неспешно пошёл в командный центр орбитальной крепости. Шёл он не просто так, а по ходу движения внимательно просматривая на тактическом планшете те изменения, которые произошли за последнее время.

Техническая модернизация довольно стареньких крепостей и их перевооружение, а также усиление бронирования обошлись в очень кругленькую сумму, да и ресурсов ушло немало, но... Иной выход в предложенных жизнью обстоятельствах сама жизнь предоставлять категорически отказалась. Впрочем, это касалось не только крепостей, а вообще всего, ничего не давалось легко и просто, буквально всё давалось с огромным трудом, преодолевая то и дело возникающие проблемы с препятствиями, и конца им не было и края...

Поднявшись на уровень, где располагался штаб орбитальной крепости, его лично встретил заместитель начальника гарнизона и, представившись, произвёл доклад. Внимательно выслушав бравого полковника Бравкова, Бобер, доброжелательно улыбнувшись, крепко пожал руку офицеру и заговорил:

– Иван Константинович, вы и ваши подчинённые за столь короткое время совершили невозможное, модернизацию и серьёзное усиление боевых возможностей старых орбитальных крепостей можно смело расценивать как самый настоящий подвиг. Надеюсь, отладка всех систем и механизмов не займет много времени?

– Никак нет, командующий! Полная отладка программного обеспечения и механической составляющей займёт примерно десять дней, – с пылом воскликнул начальник орбитальных крепостей, в подчинении которого также находилась малая истребительная и штурмовая авиация ближнего радиуса действия.

Хмыкнув, Бобёр тряхнул головой и потребовал провести его в особо защищённый кабинет. Полковник Бравков, задумчиво взглянув на командующего, попросил проследовать за ним. Бобёр пошёл следом, и спустя десять минут они уже сидели за столом в уютной комнате реабилитации и психологической разгрузки. Помолчав некоторое время, он ещё раз пристально посмотрел в глаза сидящего напротив него полковника, с немалой настороженностью взиравшего на командующего, и негромко заговорил:

– Вы ещё эту информацию пока не получили, поэтому спешу сообщить, вражеская армада вторжения разделилась на две части, и одна из них взяла курс на Бастион. Примерное время прибытия к нашей системе сто девяносто часов, так что времени у вас на раскачку вообще нет. Работайте в круглосуточном режиме, да и вообще делайте всё что хотите, но через восемь дней орбитальные станции должны быть готовы встретить врага и остановить его. Приказ понятен?

– Так точно, командующий, поставленный приказ будет выполнен. Вверенные мне крепости будут готовы к бою в обозначенный срок, – резко побледнев, выпалил полковник, играя мускулами челюсти, тем самым стараясь снять зажим, вызванный скрываемой злостью, а то и вообще яростью.

– Я на вас надеюсь, полковник, – выдохнул Бобёр и, поднявшись, вновь распорядился: – Иван Константинович, раз уж я сейчас нахожусь в крепости, проведите для меня экскурсию и подробно изложите, какие у неё теперь тактико-технические характеристики и есть ли возможность дальнейшей её модернизации.

– Пойдёмте за мной, командующий.

Последующие три часа полковник подробно объяснял, какие оригинальные технические решения пришлось измыслить и с каким трудом удалось добыть достаточно современное вооружение и всё это разместить в старых корпусах орбитальных крепостей. Была проведена титаническая работа всего личного состава, начиная от рядового канонира и заканчивая ведущими инженерами научно-исследовательских лабораторий. Пахали все как ломовые лошади, что и позволило практически уложиться в отведённые сроки, и в результате врага ожидало немало смертоносных сюрпризов. Вот только не всё было гладко, невероятная спешка не позволила произвести отладку и калибровку всех систем, но, несмотря на это, личный состав орбитальных крепостей Бастиона вкладывался, и это не могло не радовать. Кое-какое время ещё было, ведь не сразу же половина вражеской армады пойдёт в атаку. Им для этого обязательно потребуется ещё какое-то время для разведки и доразведки целей, а это время оно, как известно, бесценно, особенно на войне. Каждое вырванное мгновение у врага капало в копилку будущей победы...

Прогулявшись по самым засекреченным объектам крепости, Бобёр внимательно выслушивал полковника, время от времени задавая ему уточняющие вопросы. Отвечал Бравков толково, да оно и не мудрено, был он самым настоящим профессионалом своего дела, специализируясь конкретно на обороне планетарных систем и управлении мощными орбитальными крепостями.

– Вы отлично справились с поставленной задачей, Иван Константинович, хотя далось вам это нелегко, но как вы, должно быть, понимаете, главным экзаменом и знаменателем всех ваших трудов будет бой с многократно превосходящими силами противника. О победе над врагом сейчас речи не идёт, главной вашей задачей является сковывание значительных сил армады вторжения и удержание позиций, так как основные сражения будут проходить в других местах, но и второстепенной оборону Бастиона назвать никак нельзя. Бастион жизненно необходимо удержать любой ценой, слишком он важен для победы над врагом, – по завершении экскурсии проговорил Бобёр, пристально всматриваясь в глаза полковника.

– Мы Бастион удержим и нанесём противнику весьма болезненные потери, я это вам, командующий, гарантирую, – с полной убеждённостью в своей правоте отчеканил Бравков, зло сверкнув глазами.

– Мы на вас рассчитываем, полковник, – глубоко вздохнув, негромко отозвался Бобёр и, помолчав несколько мгновений, пожелал офицеру божьей поддержки и, крепко пожав руку, направился обратно к своему орбитальному боту, намереваясь вернуться в командный центр Бастиона. Неторопливо шагая по ступенькам, Бобёр переваривал полученную информацию, большую часть он и так хорошо знал из полученных донесений и отчётов, но было кое-что и новенькое, что следовало обмозговать на досуге, но додумать свою мысль он не успел. Неожиданно противно засигналил браслет управления дронами, работающими в режиме «Телохранитель», сообщивший о приближении неведомой пока опасности для его драгоценной тушки.

Резко остановившись и сосредоточившись, Бобёр внимательно прислушался к себе, но по какой-то причине угрозы для себя не ощущал, хотя где-то в глубине души еле-еле затрепетала чуйка на неприятности. Постояв несколько мгновений, он всё же решил пойти вперёд. Двигался он насторожённо, постоянно ожидая непредвиденной ситуации, а то и нападения. Пройдя лестничный пролёт, Бобёр вновь остановился, его чуйка на опасность засвербела очень настойчиво, предупреждая о серьёзной угрозе впереди.

Продолжать идти вперёд было опасно, и он медленно стал пятиться назад, выставив оружие наизготовку. Этого ему показалось мало, и Бобёр мысленно отдал команду охранному рою дронов, крепившемуся на его спине, прикрыть его со всех сторон. Крохотные дроны бесшумно разлетелись и, образовав защитный купол, приготовились к отражению возможного нападения. Прошло две напряжённые минуты, а нападения всё не было. Бобёр уже было подумал, что это случился какой-то сбой, но нет, не успев вступить на очередной уровень, неожиданно снизу вырвался довольно большой рой боевых дронов и целенаправленно устремился на командующего. Охранный купол распался, и дроны-телохранители устремились навстречу убийцам, и завязался яростный бой.

Медленно ступая спиной вперёд, Бобёр был настороже, готовый в любой момент открыть огонь, хотя прекрасно отдавал себе отчет в том, что если его дроны пропустят хотя бы десяток, то он даже при всём своем желании с ними не справится. Слишком уж они были быстры и миниатюрны, да к тому же жутко смертоносны, человек, даже хорошо натренированный, не был способен этому противостоять. Несколько штук ещё можно было прицельным огнём расстрелять, а уже с десятком дронов-убийц никак никакой реакции не хватит, это было за пределами физических возможностей.

Отступив за угол, Бобёр попытался выйти на связь с центром управления, но она наглухо отсутствовала, отсутствовала и связь со штабом орбитальной крепости. Чертыхнувшись сквозь зубы, он был вынужден признать, что покушение на его жизнь было организовано на славу, вот только в одном они прокололись, никто не знал, что он в последнее время постоянно носил рой дронов, изготовленных искином его космической яхты. Средства РЭБ заглушили локальный участок и на установленных камерах подменили поступающую картинку, другого объяснения и быть не могло, вот только кто попало это сделать не мог. Тут явно чувствовалась рука серьёзных профессионалов, да и без предательства тут явно не обошлось...

От душившей его ярости Бобёр рыкнул и, прицелившись, точно выстрелил в один из вражеских дронов, почти прорвавшийся через дронов-телохранителей, а затем ещё несколько. Так продолжалось минут пять, и в конце концов его дроны одержали верх и взялись добивать остатки вражеского роя. С удовлетворением наблюдая за этим увлекательным процессом, заметил появление сигнала связи с центром управления. Соединив абонента, Бобёр услышал наполненный тревогой голос генерала Гудзы:

– Командир, в чём дело?! Сигнал твоего маячка пропал, и мы тебя не можем нигде найти. Ты где сейчас находишься?

– На третьем уровне восьмого сектора, участок четыре первой орбитальной крепости. На меня совершил нападение рой дронов-убийц, благо у меня свой имеется с рядом полезных функций, одна из которых – режим «Телохранитель», вот он меня и спас. Сейчас мой рой добивает вражеский, ещё минута-другая, и от него ничего не останется. Необходимо срочно прислать оперативную группу контрразведки для изучения обломков...

Договорить свою мысль Бобёр не успел, несколько вражеских дронов, сделав целый ряд хитрых кульбитов в воздухе, прорвались сквозь защиту и устремились к нему. Бобёр успел среагировать, точными выстрелами сбив четыре дрона, но пятый, уклонившись от луча, сделал хитрый вираж уклонения и чем-то выстрелил, но тут же был уничтожен метким выстрелом. Выстрел вражеского дрона достиг своей цели, попав в грудь. Ощущая, как немеет всё его тело, Бобёр выронил из рук лучеём и, медленно опускаясь на пол, схватился обеими руками за куртку и, рванув ворот, заплетающимся языком произнёс:

– Генерал, реанимационную бригаду срочно сюда, в меня попали, ноги не держат и перед глазами всё плывёт, голова очень сильно кружится и тошнит.

Что ответил Гудза, Бобёр уже не слышал, его стошнило. Оторвав правую руку от груди и мутным взглядом посмотрев на окровавленные пальцы, он завалился на пол и потерял сознание...

Глава 5

Сознание медленно возвращалось. Боли не было, лишь какая-то тяжесть в груди не давала вздохнуть полной грудью. Сфокусировав свой взгляд, Бобёр огляделся и сразу сообразил, что находится в реанимационной камере, а рядом с ней стоит генерал Гудза с неизвестным ему медиком в белом халате. Они о чём-то тихо между собой беседовали. Пошевелив пальцами, он попытался подняться, но не смог, слабость во всём теле не позволила ему это сделать, но попытка эта не осталась незамеченной врачом. Подойдя к пульту управления реанимационной камеры, он произвёл какие-то манипуляции, и прозрачная крышка открылась. Внимательно всмотревшись в бледное лицо высокопоставленного пациента, он задал вопрос:

– Как вы себя чувствуете?

– Могло быть лучше, – еле слышно отозвался Бобёр, ощущая тяжёлый комок в горле.

– Вам, сударь, ещё очень повезло, тот яд, которым была пропитана стрелка, попавшая вам в грудь, должен был убить вас в течение двух минут, но благодаря тем антидотам, которые вам в своё время прокололи в военном университете, процесс этот был существенно замедлен. Вовремя прибывшая реанимационная бригада орбитальной крепости смогла вас спасти, хотя надо признать, это было самым настоящим чудом, задержись они на три минуты, и вам уже бы никто не в силах был помочь, смерть в буквальном смысле слова дышала вам в затылок. Так что впредь будьте предельно осторожны. Токсин мы из вашей крови вывели и организм полностью очистили, но как он мог повлиять на ваш мозг и иммунитет, в точности сказать никто не может, так как данная разновидность токсина никогда и нигде ранее не встречалась. По всей

вероятности, токсин этот разработан где-то в недрах секретных лабораторий иной расы, вторгнувшейся в наши пределы.

Медик умолк и, отойдя в сторону, взялся просматривать показания приборов, подключённых к телу пациента, тем самым давая возможность генералу поговорить с командующим. Гудза, потоптавшись на месте, шагнул к реанимационной камере и, оглядев крайне бледного молодого человека и покачав головой, обратился к нему:

– Напугал ты нас здорово, командир, прямо до икоты, мы тебя за малым чуть не потеряли. Ты больше так не рискуй и один без надёжной охраны не разгуливай, слишком это опасно даже у нас на Бастионе.

Тяжело вздохнул Бобёр – он был с генералом полностью согласен, прошли те благословенные времена, когда он мог себе позволить разгуливать там, где ему вздумается и когда захочется. Ныне настали такие времена, когда без многоуровневой охраны нигде появляться категорически нельзя. Впредь наука ему пойдёт впрок, но вот информация о том, что неизвестный токсин мог каким-то образом повлиять на работу его головного мозга, вызывала немалое беспокойство...

– Константин Георгиевич, долго ли я здесь прохлаждаюсь?

Взглянув на своего бывшего подопечного, генерал негромко ответил:

– Ровно двое суток, и ещё придётся три дня находиться на интенсивной терапии, в противном случае последствия для твоего здоровья могут быть самыми неблагоприятными.

В глубокой задумчивости помолчав несколько мгновений, Бобёр вынужден был признать правоту генерала. Здоровье – дело серьёзное, и халатно относиться к нему категорически нельзя, но и просто так валяться без дела он никак не мог.

– Как идёт погрузка Иностранного легиона? – поинтересовался он, желая узнать, как идут дела за время его вынужденного отсутствия.

– Подразделения легиона грузятся с опережением графика, и через сорок восемь часов караван выдвинется на Зайоранг. Волчьи стаи также уже практически готовы встретить приближающийся неприятельский флот, да и систему Бастиона в ускоренном режиме минируют. Одним словом, практически всё готово, осталось лишь сковать здесь значительные силы врага и нанести мощные удары в районах Новой Тортуги и Хипори, и армада вторжения окажется в смертельной ловушке, – с усмешкой отозвался генерал Гудза, которому и предстояло командовать гарнизоном Бастиона и выполнить архисложную задачу.

– Хотелось бы в это верить, но не думаю, что будет всё так просто, слишком много неизвестных в этом уравнении присутствует, – выдохнул Бобёр, ощущая, как начинает проваливаться в сон.

– Согласен, командир, но об этом мы с тобой поговорим в другое время, а сейчас тебе необходимо отдыхать, – с сочувствием взирая на молодого человека, на плечи которого свалилась огромная ответственность за судьбы всего человечества, произнес генерал.

– Да, Константин Георгиевич мне действительно необходимо отдохнуть, голова что-то кружится, – согласился с ним Бобёр и тут же погрузился в глубокий оздоровительный сон.

Задумчиво оглядев заснувшего командующего, генерал Гудза кивнул каким-то своим мыслям и, повернув голову в сторону медика, задал ему вопрос:

– Валентин, этот токсин как может повлиять на умственные способности нашего командира?

Медик не стал сразу отвечать, а задумчиво помолчал некоторое время и, отведя свой взгляд чуть в сторону, глубокомысленно заговорил:

– На этот вопрос вам, генерал, никто ответить не в состоянии, может быть всякое, но в любом случае физическое и умственное состояние командующего необходимо держать под неусыпным контролем. Быть может, это приведёт к нарушению умственных способностей, а может, наоборот – разгонит нейроны его головного мозга и значительно усилит интеллектуальный уровень, а также довольно высока вероятность того, что всё останется как прежде. Существует и

вероятность того, что он через какое-то время скончается. Ничего однозначно утверждать нельзя, слишком много факторов тут присутствует. Сейчас образцы токсина исследуются, но, как вы сами понимаете, для получения первых результатов потребуется довольно много времени.

Сокрушённо помотав головой, Гудза поджал губы и, вздохнув, распорядился:

– Валентин, продолжай контролировать состояние командующего и отчёты присылай лично мне через каждые два часа, а в случае каких-либо изменений в лучшую или худшую сторону – немедленно.

– Будет исполнено.

Попрощавшись с медиком, генерал покинул медицинский центр и, погрузившись в глайдер, полетел в командный центр Бастиона. Напряжение последних двух дней, прошедших с момента ранения командующего, не отпускало. Гудза всё это время не находил себе места, они чуть не потеряли того, на кого когда-то поставили, а это означало бы самую настоящую катастрофу. Слишком много было на него завязано, он стал пока ещё не признанным всеми военным вождём, к которому потянулись очень многие люди, а тут вдруг возможные последствия от токсина, способные нарушить работу его головного мозга. С этим надо было что-то делать, а вот что конкретно, генерал себе даже не представлял, из-за чего ему было не по себе...

Прибыв в центр, Гудза в сопровождении личной охраны прошёл в зал заседаний и, подойдя к коммутатору, присел и, подумав несколько мгновений, решительно нажал кнопку экстренного созыва постоянных членов Военного совета. Потерев напряжённый лоб, генерал жестом велел охране покинуть зал, и после того как бойцы вышли, медленно опёрся спиной на жёсткую кожаную спинку и стал ожидать появления остальных представителей командования. Предстояло обсудить слишком важный вопрос, и от того, какое будет принято решение, зависит буквально всё. Его личное будущее и будущее его соратников, родины и вообще судьба всего человечества, а это самая высокая ставка из когда-либо выпадавших на долю обычного смертного...

Первым в зал заседаний вошёл адмирал Ивашутин, а за ним следом появился начальник контрразведывательного управления Корнелиус, а чуть позже к ним присоединился адмирал Верещагин. Когда они все разместились за круглым

столом, Гудза поднялся и, пройдясь вдоль объёмной карты системы Бастиона, резко остановился и, внимательно оглядев всех присутствующих, неожиданно каркающим голосом заговорил:

– У нас большие проблемы, господа, покушение на командующего не только выявило слабые места в системе безопасности, но и поставило под прямую угрозу когда-то задуманный нами план. Токсин, попавший в кровь Боброва, медицинской науке ранее известен не был, а значит, весьма вероятно, он имеет инородное происхождение. Командующий был на краю гибели, но вовремя подоспевшая реанимационная команда его спасла, вот только никто не скажет, каковы будут последствия для работы головного мозга командующего. Без всякого сомнения, токсин каким-то образом повлиял на нейронные связи, и как это скажется на его личности, предугадать невозможно. Он со временем может впасть в слабоумие или, наоборот, стать выдающимся мыслителем, а может, случится и так, что он в какой-то момент умрёт. Что делать, я не знаю...

Высказавшись, генерал Гудза под пристальными взглядами единомышленников вернулся к креслу и, неторопливо присев в него, стал ожидать реакции на произнесённые слова. Единомышленники какое-то время в глубокой задумчивости молчали, думая о чём-то своём, и каждый из присутствующих не спешил делиться своими размышлениями. Первым, не выдержав гнетущего молчания, поднялся Корнелиус и, хмуро оглядев присутствующих, спокойно заговорил:

– Признаю, часть вины за покушение на командующего на моей совести, не доглядели. Сейчас работают сразу несколько оперативно-следственных групп, выясняя, каким образом на орбитальную крепость попал рой дронов-убийц и нет ли в ней ещё каких-нибудь вредоносных закладок. Дело очень серьёзное, особенно это опасно в преддверии плотной блокады Бастиона значительно превосходящими силами врага. Гарантирую, в ближайшие четверо суток все закладки будут выявлены и нейтрализованы, а вот что касается состояния здоровья командующего, я даже не знаю, что делать, Бобров стал уже той фигурой, которую просто так не заменишь, он своего рода стал символом борьбы с вторжением в человеческие миры иной агрессивной расы. Быть может, у кого-то из вас есть дельные мысли на этот счёт?

Задав вопрос, Корнелиус присел и с немалым интересом взялся изучать нахмуренные лица членов Военного совета. Свои мысли на этот счёт у него были, но он не спешил ими пока делиться, предпочитая для начала выслушать

мнение соратников. Первым среагировал адмирал Верещагин, командовавший военно-космическими силами. Медленно поднявшись, адмирал, кашлянув в кулак, стал отвечать:

– Заменить командующего без последствий для нашего общего дела невозможно, те времена, когда это можно было сделать безболезненно, давно прошли, а значит, состояние Боброва должно тщательно скрываться, он для всех символ бескомпромиссной борьбы и таковым должен оставаться впредь. Как там будет дальше, проживём – увидим, и тогда будем принимать принципиальное решение. Сейчас для нас главное – победить, и на это должны быть брошены все наши невеликие силы. Если психическое состояние командующего со временем ухудшится и он станет недееспособным, значит, после победы сообщим всем, что он погиб смертью храбрых, сражаясь с врагом, а вот если всё с ним будет в порядке, надо хорошенько подумать, как нам быть. Герой, победивший чуть ли не в одиночку армаду вторжения, приобретёт такой политический вес, что игнорировать всем его новый статус будет невозможно в принципе. Всё это очень серьёзно, господа, и имеет далеко идущие политические последствия, о которых задумываться надо было ещё вчера...

Оглядев заинтересованно вслушивающихся офицеров, Верещагин, тяжело вздохнув, присел, предоставляя право выступить следующему человеку. Поняв это, адмирал Ивашутин хмуро бросил свой взгляд на командующего ВКС и, потеряв переносицу, поднялся и негромко заговорил:

– Товарищи офицеры, я целиком и полностью разделяю мнение всех вас, но хотелось бы напомнить, что изначально на Боброва мы все, здесь присутствующие, поставили, потому как желали серьёзных изменений в нашей стране, и цель эта с повестки не снимается. Наоборот, наблюдая за тем, что происходит на Новом Санкт-Петербурге, становится очевидно, что она выходит на первый план. Всё это дерьмо разгрести придётся нам с вами. Командующий в этих раскладах играет ключевую роль, так как за ним люди непременно пойдут, он ведь очень популярен в народе. Делайте что хотите, но он должен жить, пусть даже и будут психические отклонения, мы это нивелируем жёстким ограничением к нему допуска других людей, а если потребуются, двойника организуем. Если уж публике требуется красивая картинка, она будет, тем более это не так уж и сложно, с нашими-то возможностями.

Высказавшись, командир Иностранного легиона с кислой миной на лице хмыкнул и, опустив пятую точку в кресло, стал ожидать ответную реакцию на свои слова,

но никто не спешил, все присутствующие, хмуро посматривая друг на друга, молчали. Молчал и Корнелиус, внимательно присматриваясь к малейшим нюансам сидевших за одним столом людей. Никто в принципе не возражал в случае необходимости обзавестись двойником командующего, хотя это был далеко не самый лучший вариант, но на худой конец и он сгодится, и всё из-за космической яхты, вернее из-за древнего искусственного интеллекта этой яхты, признавшего Боброва наследником. Кого-нибудь другого этот искин своим владельцем не признает, и в этом-то и заключалась самая главная трудность, которую обойти не представлялось возможным. Помолчав ещё некоторое время и так и не дождавшись ответа на слова адмирала Ивашутина, он медленно поднялся и, чуть опустив голову, заговорил:

– Господа, ситуация крайне неприятная, но спешить с преждевременными выводами не будем. Для начала надо дождаться выздоровления командующего, да и не стоит сбрасывать со счетов возможности личной космической яхты командующего. Какие её реальные возможности, мы ведь до сих пор в точности не знаем, так как доступа к ней не имеем вообще, но вот о чём нам всем, здесь присутствующим, следует задуматься, так это об имидже Боброва.

– Что вы имеете в виду, Корнелиус? – удивлённо приподняв брови, перебил начальника управления контрразведки военный комендант Бастиона.

– Гм-м-м... Видите ли, генерал, с одной стороны, он для абсолютного большинства герой, бросивший вызов врагу и успешно воюющий с ним, а с другой... Если нам действительно придётся наводить порядок на Новом Санкт-Петербурге, то репутация лихого волка-одиночки никуда не годится, вернее сейчас она нам только на руку, но вот дальше она начнёт нам только мешать.

Корнелиус умолк на несколько мгновений и, усмехнувшись, неожиданно низким голосом заявил:

– Господа, нужна красивая романтическая история на публику. Влюблённость командующего никого не оставит равнодушным, а это, в свою очередь, дополнительно привлечёт к нам сторонников. Нужна как бы случайная встреча, внезапная влюблённость с красивыми ухаживаниями и всем, что этому сопутствует, а там уж если у Боброва реально начнутся проблемы с психикой – то красивая гибель главного героя. Рыдания невесты или безутешной молодой вдовы, всеобщая скорбь и общенациональный траур героя, спасшего человечество от порабощения иной расой. В общих чертах где-то так я и вижу, а

детали... Детали продумаем и проработаем, да так, что комар носа не подточит.

– А что, неплохо придумано... – негромко проворчал генерал Гудза, в глубокой задумчивости потирая гладко выбритый подбородок, и, помолчав несколько мгновений, заговорил вновь: – Такой сценарий действительно публике придётся по душе. Романтика с ля муром мало кого оставит равнодушным, и уж тем более женщин, а уж гибель национального героя так и вообще потрясёт всё общество до основания, вот только на вакансию невесты командующего кого ни попадя не возьмёшь, тут надо всё самым тщательным образом просчитать и взвесить.

– Если все согласны, я готов взять это на себя, – с деланной печалью в голосе проронил начальник управления контрразведки, скрещивая руки на груди.

Адмиралы Верещагин и Ивашутин, переглянувшись между собой, дали своё согласие, а генерал Гудза сразу давать согласие не спешил, предпочтя выдержать некоторую паузу, но и он был вынужден согласиться с предложением Корнелиуса. Как-никак, а интрига эта шла на пользу общему делу, но и они при этом надеялись занять то положение, к которому стремились многие годы...

– На том и порешим, господа, – подвёл итог заседания начальник управления контрразведки и, попрощавшись со всеми присутствующими, покинул зал заседаний, сославшись на необходимость лично контролировать работу нескольких оперативно-следственных групп, расследующих покушение на командующего.

Покинув зал, Корнелиус, тщательно скрывая удовлетворение итогом прошедшего разговора, поспешил в крыло, где располагалось возглавляемое им разведуправление. Прибыв в свой рабочий кабинет, он только там позволил себе от души рассмеяться. Идею подсунуть подходящую невесту для командующего он вынашивал довольно давно, но всё никак подходящего случая не выдавалось, да и острой конкуренции в этом вопросе он опасался, так как это позволяло оказывать весьма серьёзное опосредованное влияние на Боброва.

По большому счёту, никто не сомневался, что по завершении войны с армией вторжения главной их целью станет Новый Санкт-Петербург. Вооружённые силы победителям сопротивления оказывать не станут и при определённом старании перейдут на их сторону, и вот тогда все наиболее значимые политические силы

и те финансово-промышленные группы, которые за ними стоят, станут наперебой предлагать свои услуги. По сути, речь шла о реставрации монархии и возрождении Империи, а для этого требовался основатель монаршей династии. Представители старых аристократических родов из-за своей дискредитации никак на эту роль не подходили, от слова совсем, хотя бы по той причине, что широкие массы народа их никогда не примут.

На эту роль как никто другой подходил Бобров. Герой, спаситель человечества от порабощения враждебной иной расой, пришедшей в человеческие миры поработить всех. Рыцарь без страха и упрёка, за которым особо никто не стоит, устроит практически всех – и народ, и значительную часть элиты. Даже если разовьётся из-за токсина слабоумие, избавиться от него особого труда не составит, главное, чтобы родился здоровый законнорожденный наследник, а уж вопрос регентства малолетнего царя можно было решить к обоюдной пользе со всеми заинтересованными сторонами. С какой стороны ни посмотри, одни сплошные плюсы...

Ухмыльнувшись ещё раз пришедшим на ум мыслям, Корнелиус мысленно поблагодарил своих партнёров за проявленную недалёковидность и, устроившись за рабочим столом, включил коммутатор и набрал номер абонента на Новом Санкт-Петербурге. Минут пять абонент не отвечал, а затем развернулся экран, и на нём появилось изображение утомлённого мужчины в почтенном возрасте, хотя и выглядевшего весьма бодрым и не по годам моложавым.

– Здравствуйте, Вениамин Павлович. Надеюсь, я вас не отвлек своим настойчивым вызовом? – вежливо поинтересовался начальник разведуправления Бастиона.

– Отвлёк, Корнелиус, но ничего страшного, ты же знаешь, я всегда готов тебя внимательно выслушать. Надеюсь, у тебя есть, что мне сообщить, и это нечто интересное...

– Есть, конечно, но не могу сказать, что новость будет приятной, – выдохнул Корнелиус, – на Боброва совершено покушение, он только чудом остался жив, но самое плохое – это то, что в его организм попал неизвестный медицине токсин. Его откачали, буквально вернув с того света, и жизнь его сейчас находится вне опасности, но есть довольно большая вероятность того, что со временем это самым негативным образом отразится на его психическом здоровье. Не факт,

конечно, но тем не менее такое развитие более чем вероятно.

Пожилой мужчина, внимательно выслушав Корнелиуса, глубоко задумался. Думал он, не шелохнувшись, несколько минут, после чего, передёрнув плечами, выдохнув, заговорил:

– М-да-а... перспективы действительно очень шатки. Мы ещё не разгромили армаду вторжения, да и до разгрома ещё очень далеко, а тут ещё и проблемы с командующим. Даже и не знаю, как теперь быть, быть может, ты что-нибудь предложишь?

– Есть один вариант... – проворчал Корнелиус, изображая на лице вполне убедительные сомнения.

– И какой же? – встрепенувшись, живо поинтересовался Вениамин Павлович.

– А что, если его женить? Как бы там дальше ни было, Боброву вполне по силам занять российский престол, так что необходима такая супруга, которая в случае необходимости заместит его. Главное, чтобы она была вполне управляема и надлежащим образом выполняла возложенные на неё представительские функции.

– Гм-м-м... очень интересный ход, – проворчал собеседник начальника управления контрразведки и, пожевав губами, ответил на его предложение: – Пожалуй, в этом что-то есть, Корнелиус... Хорошо, я подумаю над твоим предложением и, когда приму решение, непременно дам тебе знать.

Вежливо попрощавшись, начальник разведупра, отключив экран, с огромным облегчением выдохнул, если он хоть немного понимал в людях, его задумка имела все шансы воплотиться в жизнь. Ухмыльнувшись, какая свара начнётся в среде самых богатых и влиятельных семейств, имеющих девиц на выданье, Корнелиус расхохотался пуще прежнего. Именно эта свара должна была всю силу этих кланов направить в необходимое для общего дела русло и тем самым отвлечь их внимание от куда более серьёзных дел и планов по реставрации империи.

Уняв свой безудержный смех, Корнелиус увидел сигнал вызова, исходящего от руководителя одной из оперативно-следственных групп, расследующих

покушение на командующего. Внимательно выслушав офицера, он хмыкнул и произнёс:

– Пока инженера не стоит арестовывать, проследите за ним и выявите все его контакты и связи, вот тогда и будем принимать принципиальное решение.

Отключив связь, начальник разведки задумался, одна из самых лучших групп оперов, размотав цепочку, вышла на того, кто пронёс на орбитальную крепость и установил рой дронов-убийц. Осталось только выяснить, на кого он работает, так как инженер электронщик Крюгер не проходил ни по одному списку иностранных резидентур. Именно это обстоятельство и вызывало у него наибольшее беспокойство...

Глава 6

Вениамин Павлович Корзун после сообщения от бывшего начальника личной службы безопасности спикера Сената в глубокой задумчивости сидел в кресле довольно продолжительное время, он напряжённо размышлял. В будущем вероятная проблема с психическим состоянием командующего в его понимании какой-то особой проблемой не являлась. Наоборот, многим это было даже на руку, герой-победитель и спаситель всего человечества представлял реальную угрозу, больно уж деятельным он был и своенравным, привык действовать по своему усмотрению, особо не церемонясь насчет согласования с заинтересованными сторонами. Вот только взять и просто так после победы над армадой вторжения от него избавиться будет нельзя, слишком уж он станет популярным в народе. Взять и упрятать в закрытую психиатрическую клинику Боброва без серьёзнейших последствий также никак не выйдет, а ликвидировать крайне непросто, и всё из-за искусственного интеллекта его космической яхты «Княжна». Далеко не просто такого человека изолировать и не допустить к власти или, по крайней мере, существенно ограничить его возможности, если за его плечами стоит реальная сила и популярность в народе. В данном случае грубые методы никуда не годились, тут надо было подходить куда как тоньше, и вариант его женить на подходящей партии с целью скрытой манипуляции смотрелся весьма перспективным. Правда, в единоличном порядке столь важный вопрос Вениамин Павлович решить никак не мог, для этого ему следовало сначала обсудить предложение Корнелиуса с теми, кто имел вес куда

больше его самого...

Приняв решение, генерал-лейтенант собрался и, покинув свой рабочий кабинет, направился на взлётно-посадочную площадку, где его ожидал служебный глайдер. Расположившись в удобном кресле, Корзун отдал команду пилоту лететь на Валдайскую возвышенность, где располагался уединённый монастырь. Все два часа полёта Корзун напряжённо размышлял насчёт возможного бракосочетания командующего, но так и не пришёл к какому-либо однозначному выводу, слишком всё выглядело неоднозначно. Казалось бы, нет ничего проще, но нет, всё было далеко не так просто, кого попало в невесты не назначишь. Быть может, желающих породниться семейств будет хоть отбавляй, но ведь тут необходимо, чтобы и командующий воспринял должным образом с особым тщанием отобранную невесту...

Глайдер подлетел к монастырю и, на мгновение зависнув над взлётно-посадочной площадкой, медленно опустился в начертанный круг, и спустя несколько мгновений аппарель открылась. Дождавшись, когда она откроется полностью, генерал-лейтенант повелительным жестом остановил телохранителей и неторопливо направился к центральному входу, возле которого уже ожидали двое встречающих его монахов. Выждав несколько мгновений, они пошли навстречу старшему офицеру. Остановившись в двух шагах от него, один из них с настороженностью в голосе заговорил:

– Здравствуйте, Вениамин Павлович. Надеюсь, ничего экстраординарного не случилось или всё же произошло?

– К сожалению, случилось, – с глубоким вздохом отозвался генерал, – и это надо обсудить с митрополитом Новгородским и Старорусским Исидором, мне срочно требуется его совет.

– Хорошо, – спустя несколько мгновений отозвался монах крепкого телосложения, – следуйте за мной, господин генерал.

Проследовав за монахом, Вениамин Павлович прошёл через распахнутые ворота и спустя несколько минут оказался возле массивной двери, ведущей в монастырскую библиотеку. Сопровождающий его монах открыл дверь и жестом предложил войти. Благодарно кивнув, генерал-лейтенант вошёл внутрь и прошествовал к столу, за которым сидел и читал древний на вид фолиант очень

пожилой мужчина в простой рясе. Пройдя вперёд несколько шагов, Корзун остановился и негромко произнёс:

– Добрый день, ваше преосвященство.

– День добрый, Вениамин. С делом пришёл аль по старику соскучиться успел? – с лёгкой усмешкой поинтересовался митрополит, взирая на нечаянного посетителя, с которым он был знаком очень давно.

– По делу, но и соскучиться успел, как-никак, а виделись мы с вами довольно давно, – выдохнул Корзун с хмурым выражением лица и, чуть отведя свой взгляд в сторону, добавил: – Ваше преосвященство, мне требуется ваша консультация по весьма щепетильному делу, которое касается буквально всех нас, я имею в виду нас как граждан России.

Удивлённо приподняв правую бровь, митрополит Исидор внимательно вгляделся в лицо генерала и через некоторое мгновение, тяжело вздохнув, предложил ему присесть напротив. Корзун, подойдя к лавке, остановился на короткое мгновение и, резко присев, нахмурился, собираясь с мыслями перед серьёзнейшим разговором.

– И что же это за дело такое, которое касается всех нас, и не преувеличиваешь ли ты вообще? – продолжая внимательно наблюдать за реакциями своего неожиданного визитёра, поинтересовался Исидор.

– К сожалению, нет, – выдохнул генерал, – вопрос действительно очень серьёзный, речь идёт о неизвестном господине Боброве, под командованием которого боевые отряды ведут вполне успешные сражения с армией вторжения иной расы.

– Знаю такого, мы все молимся за него и его доблестных воинов. Вот только я всё никак не могу понять, в чём здесь проблема? – сдерживая удивление, поинтересовался митрополит, пытаясь разобраться причины столь глубокого беспокойства первого заместителя начальника Генерального штаба.

– Ваше преосвященство, всё дело в том, что этот парень, быть может, сам не отдавая себе в этом отчёт, стал не просто существенным фактором большой политики, он стал тем, кто её формирует сейчас. Да, в средствах массовой

информации об этом человеке практически ничего не сообщается, цензура работает на славу, но тем не менее слухи о нём и его армии дошли до самых низов. По сути, если он, вернувшись на Новый Санкт-Петербург, бросит клич, народ за ним пойдёт, и без всяких сомнений он в состоянии взять власть в свои руки. В принципе, мало кто против этого будет возражать, вдоволь нахлебавшись тем бардаком, который происходит сейчас на наших глазах, вот только без радикальной перестройки политической системы в перспективе ничего существенно не изменится. Всё будет продолжаться так, как оно идёт сейчас, разве что антураж изменится, да и то на довольно непродолжительное время, потому как это прямая дорога к упадку, а затем и разложению.

Тонко усмехнувшись, митрополит Исидор пристально взгляделся в глаза генерала и, помолчав несколько мгновений, тихим голосом задал ему прямой вопрос:

– Вениамин, ты, случаем, не восстановление монархии ли имеешь в виду?

– Да, – спустя минуту напряжённого молчания односложно ответил он, неуютно ощущая себя под пронизывающим взглядом одного из самых влиятельных священнослужителей Русской православной старообрядческой церкви.

– Менять социально-политическое устройство, говоришь... – протянул Исидор и, поведя плечами в стороны, негромко задал своему собеседнику вопрос: – Ты точно это имеешь в виду или нечто иное?

– Именно об этом и идёт речь, – подтвердил Корзун, хотя далось ему это признание очень непросто.

Митрополит, тяжело вздохнув, медленно поднялся с деревянной лавки и, пройдясь вдоль стола, взглянул в стрельчатое окно и неторопливо заговорил:

– Мысль твоя, конечно, интересная, но она далеко не нова, её уже не первое десятилетие муссируют все, кому не лень. Есть у неё убеждённые сторонники, но и противников хоть отбавляй. Мало того, есть старые семейные аристократические роды, которые на царский трон своих отпрысков возвести страстно мечтают и для этого различные махинации учиняют. Им в этом негласно содействуют не только наши доморощенные нувориши сиволапого происхождения, которые в глубине души мечтают в наследственную элиту пролезть, причём раком и попой вперёд, но и внешние силы, которые друзьями

нашего народа никогда не были и никогда ими не станут...

Медленно подойдя ближе к окну, Исидор, задумчиво вглядевшись вдаль, огладил окладистую бороду и таким же спокойным голосом продолжил свою речь:

– Да, они имеют кое-какие юридические основания занимать престол и продолжить монаршую династию, но есть во всей этой истории один немаловажный момент. Все эти деятели давно и безнадежно в глазах нашего народа потеряли даже крохи легитимного права, так что речь может идти только о создании совершенно новой династии, и в этом-то и заключается самая главная трудность.

Генерал Корзун, внимательно вслушиваясь в слова митрополита Исидора, напряжённо размышлял. Озвученное его преосвященством он и так хорошо знал и понимал, но вот последняя мысль вызвала в нём немалое беспокойство. Появление новой династии неизбежно должно было привести к суровой сваре в элитной среде, а это никогда ни к чему хорошему не приводило...

– Насчёт тех проходимцев, которые метят на монарший престол, мне хорошо известно, также известны и те силы, которые за ними стоят. Только мне не совсем понятно, почему создание новой династии является такой уж большой трудностью, – таким же точно тоном проговорил генерал Корзун и, поднявшись с лавки, подошёл к митрополиту и встал с ним рядом у окна. Исидор, продолжая всматриваться куда-то вдаль, стал обстоятельно отвечать:

– Основатель новой монаршей династии непременно должен быть послан нам свыше и по этой причине будет являться сакрально значимой личностью для всего нашего народа. Грубо говоря, у него должен быть мандат НЕБА на правление. Есть и ещё один наиважнейший момент. Будущему сакральному монарху нужна ещё и спутница-царица, но женщина эта не может быть рядовой особой. Таких женщин, наделённых силой, крайне мало рождается в каждом поколении, вот именно они и дают своему мужчине-творцу энергию, и они же дают жизнь новой династии. Чем сильнее и праведнее она будет, тем сильнее и многочисленнее будет монарший дом, которому предстоит править Российской империей не какие-то там жалкие десятки лет, а многие и многие сотни лет. Женщин таких, наделённых божественной энергией, называют по-разному, одно из их названий – магирани. Мужчин же творцов, принимающих от своей женщины транслируемую энергию, называют посланниками божьими или

архатами. Они разные, что архаты, что магириани, и вся проблема в том, что найти им друг друга очень сложно, да ещё к тому же многие архаты отказываются от своего дара и избегают предназначенных им магириани. Результат печален, никто из них от этого счастливым в жизни не становится.

Хмыкнув, генерал Корзун помолчал несколько мгновений и вкрадчиво поинтересовался:

– Что-то я о таком особо ничего не слыхивал. Неужели это какие-нибудь особо тайные знания?

Митрополит, мимолётно взглянув на своего собеседника, глубоко вздохнул и ответил:

– Нет в этом особых секретных или уж тем более тайных знаний. Они есть и давно были известны, просто эту информацию никогда не афишировали и целенаправленно игнорировали, хотя очень даже пользовались и пользуются некоторые до сих пор. Пользовались, как правило, люди творческие, а также люди, наделённые немалой властью и деньгами, вот они попользуют этих женщин, а когда они истощатся, вышвыривают и идут к новым, более молодым. Поизносившихся отправляют работягам или мелким предпринимателям, что со временем приводит к весьма неприятным последствиям в этих семьях, так как травмируется мужская психика из-за понимания того, что им достаются объедки с барского стола, но это так, к слову. Тема эта как бы табу по вполне понятным причинам...

– Нет, ну а всё-таки в чём заключается это табу? – чуть приподняв правую бровь, поинтересовался генерал, что-то такое начиная припоминать, так как с некоторыми вещами он за время службы несколько раз сталкивался. Митрополит молчал несколько минут, напряжённо размышлял, что стоит говорить, а что нет, но так и не придя к какому-то однозначному выводу, мысленно махнул рукой и заговорил:

– Видишь ли, Вениамин, есть знания, не предназначенные для широких масс, так управлять проще и проблем, соответственно, куда меньше. Вот тебе пример для размышлений: как ты думаешь, почему в общественных средних школах и профтехучилищах не преподают такие важные предметы, как психология и логика?

Лицо генерала исказила лёгкая гримаса злости, но быстро справившись с собой, он, сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, заговорил:

– Это моя больная тема, долгое время мы добиваемся, чтобы эти предметы были возвращены в старшие классы средних школ, но нам активно противодействуют. Реально правящая клика категорически этого не желает, ведь знания в области психологии помогают понять себя и других, а логика позволяет чётко мыслить и делать соответствующие выводы, а если добавить сюда ещё каллиграфию, уж и подавно. Людьми с таким багажом знаний, да ещё усиленным познаниями в истории, философии, этике с эстетикой, манипулировать крайне сложно. При грамотном и хорошо образованном населении элите, чтобы сохранить своё наследственное положение, необходимо этому уровню соответствовать, быть выше, грамотнее и обладать как минимум благородством и чистоплотностью. Вот только мало кто из них напрягаться хочет, и по этой причине закрывают социальные лифты. Таким вот образом они себя и своих наследников исключают из конкурентной борьбы, выводя себя за её скобки. Многие из этих семейств самые настоящие клоачные общности. Всё это медленно, но верно приводит к общей деградации, и её результаты мы наблюдаем сейчас.

Митрополит хмуро глянул на своего собеседника и, глубоко вздохнув, прошёл к столу и, присев на дубовую лавку, глухим голосом заговорил:

– Всё верно, Вениамин, всё так и есть на самом деле. Помимо всего прочего, клоачная клика заполняет управляемый ими социум искусственно созданными ими противостояниями и девиантными сексуальными практиками, но самое подлое из них – это раскручивание гендерного противостояния в обществе. Всё это делается для того, чтобы общество лишить силы воли и тем самым погасить его пассионарную энергию на глупейшем противостоянии женщин с мужчинами и наоборот, что в конечном итоге приводит к разложению и самоуничтожению.

– Есть такое дело, – вынужден был признать генерал Корзун, – вот только при чём здесь архаты и магираны?

Митрополит с ответом не спешил, продолжая о чём-то размышлять, от чего на его лбу прорезались глубокие морщины. Так пришло несколько минут, и только потом, чуть отведя в сторону свой взгляд, ответил:

– Это делается для того, чтобы архаты были лишены возможности получать силу для переформатирования этого мира в лучшую сторону. Пороки, знаешь ли, очень выгодно эксплуатировать и на этом зарабатывать немалые деньги. Это всё та же недобросовестная конкурентная борьба, вот в чём дело. Жизненно необходимо сломать эту противоестественную конструкцию, уничтожающую наш народ.

Задумчиво хмыкнув, генерал Корзун, потеряв правую бровь, как бы невзначай поинтересовался:

– Как вы думаете, Бобров может быть тем самым архатом, способным стать основателем новой монархической династии?

– Не знаю, да и никто этого не скажет, если магираны достаточно легко вычисляются, то с архатами-творцами всё очень сложно, их невозможно вычислить, они проявляют себя только в присутствии своей магираны. Они теряют над собой контроль, срабатывает божественное притяжение, и с этого момента они принадлежат друг другу, и архат начинает творить и перестраивать окружающий его мир. Любовь – это страшная сила...

– Благодарю вас, ваше преосвященство, вы мне очень помогли, – с глубокой признательностью проговорил Корзун и, поднявшись с лавки, попрощался с митрополитом и направился на выход. Покинув пределы монастыря, он погрузился в свой глайдер и полетел обратно. Весь полёт в штаб-квартиру Генерального штаба генерал обдумывал состоявшийся разговор. Принципиального решения он принять так и не смог, стоит ли окончательно делать ставку на Боброва или подыскать более подходящий вариант и иметь ещё несколько про запас. Пока ещё не следовало спешить, для начала необходимо победить армаду вторжения, а уж затем принимать окончательное решение, выводить ли Боброва в свет, а там уж как Бог даст. Получится его женить – хорошо, а нет, так нет, да и неизвестно вообще, архат ли он, владеющий мандатом НЕБА...

Пребывая в глубочайшей задумчивости, Корзун и не заметил, как глайдер, сделав круг, пошёл на посадку. Встрепенувшись, генерал быстро привёл себя в порядок и, поднявшись, покинул салон и скорым шагом направился в свой кабинет, но не успел дойти до двери каких-то несколько шагов, как из кармана послышался настойчивый сигнал вызова его коммуникатора. Резко остановившись, он достал его и, посмотрев на имя абонента, удивлённо

приподняв брови, нажал кнопку соединения.

– Здравствуйте, Андрей Алексеевич, – поприветствовал он отставного вице-адмирала ВКС Корнева, ныне являющегося председателем некоммерческой общественной организации «Союз добровольцев», но это официально, а на самом деле под этой вывеской скрывалась частная военная компания, выполняющая военные подряды государства.

– День добрый, Вениамин Павлович, надеюсь, я вас не отвлекаю?

– Нет, не отвлекаете.

– Надеюсь, у вас есть время для личной встречи, например, через час на мансарде в ресторане «Северная Аврора»? – поинтересовался Корнев сосредоточенным голосом, в котором генерал уловил тщательно скрываемое напряжение.

– Хорошо, через час я буду в «Авроре», давать орудийный залп нам с вами, надеюсь, в ресторане не придётся, – спустя несколько мгновений напряжённых размышлений согласился Корзун, немного теряясь в догадках, зачем он понадобился руководителю частной военной компании, ведь они прежде никогда по служебным делам не пересекались, хотя давно и хорошо знали друг друга. Услышав короткий хохоток, генерал хохотнул в ответ и, отключив связь, развернулся и неторопливо пошёл обратно на взлётно-посадочную площадку.

Лететь Корзуну в респектабельный ресторан не хотелось, да и не любителем он был подобных зланных заведений для тех, у кого водились деньжата. Слишком много там околачивалось скользкой до невозможности публики и огламуренных проходимцев всех мастей, а уж от девиц полусвета, страстно мечтающих подцепить богатенького папика, так и вообще прохода не было. Девицы эти были хоть и юны, но многоопытны и матёры, их натаскивали профессиональные психологи коуч-тренеры, специализирующиеся на съёме статусных и состоятельных мужчин. От таких матёрых волчиц в овечьей шкуре любому здравомыслящему мужчине следовало держаться подальше во избежание крупных неприятностей.

В общем, генерал предпочитал куда более приличные заведения закрытого типа, подальше от гламурных тусовок и прочей нечисти, но делать было нечего,

ему и в самом деле хотелось узнать, зачем он потребовался командиру «Диких гусей». Хотя понять было его можно, ситуация в стране складывалась, мягко говоря, неприятная, а уж выборы в Сенат во время вторжения иной расы так и вообще доводили до белого каления. Правда, выбор места встречи с весьма многозначительным названием в немалой степени настораживал генерала. Больно уж многозначительным оно было для понимающего человека, в таких вопросах на скрытый символизм обращают внимание в первую очередь. Ведь это своего рода зашифрованное послание, непонятное для абсолютного большинства, но понятное людям, хорошо осведомлённым...

Погрузившись в глайдер, генерал-лейтенант весь короткий полёт до ресторана пребывал в глубокой задумчивости, предстоящий разговор внушал определённые опасения. Командир «Диких гусей» на службе государства и частного крупного капитала никогда не действовал в таких вопросах самостоятельно. За ним стояли определённые силы, некоторые из них он хорошо знал, но и провокацию с его стороны исключать также было крайне неразумно. Могло быть всякое, и это обстоятельство главным образом и напрягало.

Глайдер, подлетев к парковке для воздушного транспорта, медленно опустился, и Корзун неторопливо покинул салон и направился к лифту. Дверь открылась, и он, шагнув внутрь кабины, вознесся на самый верхний уровень, где и находились апартаменты для особо важных персон. Лифт остановился, и когда двери разошлись в разные стороны, генерал сделал несколько шагов и остановился, так как к нему навстречу поспешил управляющий. С радушной улыбкой без какой-либо тени подобострастия он хорошо поставленным голосом заговорил:

– Добрый день, господин генерал! Мы очень рады, что вы посетили наше заведение, поверьте, вам здесь придётся по душе.

– Здравствуйте, буду надеяться, что это так и будет, – отозвался в ответ Корзун и, помолчав несколько мгновений, произнёс: – Меня здесь ожидает адмирал Корнев, случаем, не подскажете, где и в каких апартаментах он находится?

– Пойдёмте со мной, я вас проведу, господин генерал, – отозвался управляющий и провёл его на другой конец общего зала, где располагались отдельные кабины, с которых открывался прекрасный вид на сцену, где уже шла подготовка к сценическому представлению. Оно должно было начаться буквально с минуты на минуту.

Благожелательно улыбнувшись администратору, Корзун поблагодарил его и вошёл в услужливо открытую дверь и оказался в небольшой, но уютной ложе, где уже стоял искусно сервированный стол, за которым в полном одиночестве восседал отставной адмирал Корнев. Сделав несколько шагов, Корзун умышленно кашлянул, привлекая к себе внимание командира «Диких гусей», задумчиво всматривавшегося в сцену. Услышав за своей спиной короткий кашель, Корнев обернулся и, увидев гостя, улыбнулся уголками губ и, поднявшись, решительно направился к нему. Остановившись в двух шагах, он внимательно всмотрелся в глаза заместителя начальника Генерального штаба и, протянув руку для рукопожатия, спокойно заговорил:

– Здравствуй, Вениамин Павлович, давненько мы с тобой не встречались и уж тем более не пересекались по служебным делам.

Пожав протянутую руку, генерал Корзун улыбнулся в ответ и в тон своему собеседнику проговорил:

– Здравствуй, Андрей Алексеевич. Действительно, давненько мы не пересекались, сферы деятельности ведь у нас принципиально разные, хотя дело общее делаем, и это самое главное.

Согласно кивнув, Корнев предложил присесть за стол. Пройдя к столу, они присели друг напротив друга и, пожелав приятного аппетита, взялись за столовые приборы. С удовольствием съев первое горячее блюдо, Корзун, сделав пару глотков вина, взглянул на сцену, на которой уже началось представление, и как бы невзначай задал интересующий его вопрос:

– Так и о чём ты со мной хотел поговорить, Андрей Алексеевич?

Отложив столовые приборы, Корнев, проследив за взглядом своего собеседника и побарабанив пальцами по столу, хмуро поинтересовался в ответ:

– Как тебе дела в нашей богоспасаемой державе?

– Дерьмо, – односложно ответил Корзун без особого выражения и спустя несколько мгновений заговорил вновь: – Честно говоря, наши внутренние политические дразги меня волнуют не так уж сильно, меня всерьёз беспокоит армада вторжения иной расы. Она уже сейчас в значительной степени

парализовала международную торговлю и сообщение, а дальше будет только хуже. Если не предпринять решительных действий сдерживания продвижения армады в глубь человеческого ареала и в конечном итоге не уничтожить врага, быть большой беде. Единственный, кто реально сдерживает продвижение армады и спасает нас всех, так это господин Бобров и его личная армия и флот.

Тяжело вздохнув, Корнев, чуть опустив голову, с глубокой печалью в голосе заговорил:

– Вот насчёт этого Боброва я и хотел бы с тобой поговорить. Я знаю, у тебя в его окружении есть свой человек, сведи меня с ним, поверь, очень надо.

– Гм-м-м... Твоя информация не совсем верна, в его окружении моего человека нет, но есть хороший знакомый, которого и ты сам очень даже неплохо знаешь, – проронил генерал Корзун, с отрешённым взглядом взирая на разворачивающуюся театральную сценку, которая на удивление была весьма недурна.

– И кто это такой, если не секрет? – с удивлением приподняв густые брови, поинтересовался Корнев, внимательно всматриваясь в лицо своего собеседника:

Хмыкнув, Корзун перевёл свой взгляд со сцены на сидевшего напротив него генерала в отставке и ответил:

– Секрет, но не персонально для тебя, имя этого человека Корнелиус...

– Вот те раз... – изумился Корнев, несколько раз при этом моргнув, чем выдал своё большое удивление. Покрутив головой, он через несколько мгновений заговорил вновь: – Право слово, неожиданно. Кто бы мог подумать, что беглый начальник личной службы безопасности самого главы Сената окажется одним из руководителей никем не признанной армии и флота, ведущего сражения в открытом космосе с грозной армадой вторжения. Поразительно, но ведь они единственные, кто реально воюет, защищая нас всех, и, надо сказать, весьма успешно.

– В этом-то и проблема, – вздохнул Корзун, – они сражаются, не получая никакой помощи вообще. Все остальные же сидят на галёрке и наблюдают, лелея надежды, что с врагом справится кто-то другой, а они себя в дальнейшем в

победители возведут и внушат это обывательскому большинству и это самое большинство в это свято уверует. Вот только все они имеют одну конкретную цель – чтобы мы единственные вступили в схватку с врагом и основательно подорвали свои силы, а уж затем они нас всем скопом окончательно добьют.

Корнев в глубокой задумчивости молчал некоторое время, обдумывая каждое произнесённое заместителем начальника Генерального штаба слово. Всё сказанное имело большой смысл, с которым командир «Диких гусей» в целом был согласен. Вот только в таких условиях сидеть и сложа руки ждать для его деятельной натуры было выше его душевных сил.

– Добьют, – был вынужден честно признать Корнев, – особенно учитывая крайне сложную внутривластную обстановку. Пусть наши вооружённые силы полностью отмобилизованы и подготовлены кое-какие мобилизационные резервы, но если внутри страны будет ожесточённое гражданское противостояние, то всё это одним махом обнулится и вообще уйдёт в глубокий минус, если не сказать резче. Вениамин, надо срочно принимать какие-то меры, в противном случае мы все в скором времени провалимся в тартарары!

Генералу Корзуну было неприятно смотреть в глаза, переполненные болью за судьбу отечества и народа, сидевшего напротив него человека. Он был настоящий патриот своей родины, не знавший, к какой силе прибиться, где бы мог принести наибольшую пользу. Крайне неприятное и унижительное положение для человека, по-настоящему умного и способного на многие свершения, и таких, как он, было очень и очень много...

Возникла напряжённая пауза, во время которой генерал Корзун размышлял, стоит ли идти на откровенность или всё же нет. Взглянув на встроенный в наручный хронометр датчик наличия шпионской аппаратуры и не обнаружив таковой, принял решение пока ограничиться предоставлением кое-какой информации, а там уж дальше видно будет...

– Андрей, главное не спешить, сам знаешь, спешка хороша лишь при ловле блох, да и вообще, поспешишь – людей насмешишь. Сейчас главное – маневрировать и выждать, ловить самый удачный момент, так сказать. Необходимо собраться с силами и сосредотачиваться и ни в коем случае не посылать наши доблестные ВКС против армады вторжения. Мы сейчас в куда лучшем положении, чем все остальные державы. Бобров и его злющие волчьи стаи целенаправленно отвлекают командование армады вторжения на себя и одновременно крайне

аккуратно выводят нас из-под главного удара. Именно по этой причине Новый Берлин, Новый Лондон и Новый Вашингтон будут вынуждены первыми задействовать основные силы своих ВКС, так как главный удар будет направлен в их сторону и, соответственно, основная тяжесть потерь ляжет на их плечи. Мы же при такой стратегии сберегаем свои вооружённые силы и стратегические ресурсы. Помимо всех прочих выгод, это позволит нам относительно безболезненно перебороть внутри гражданское противостояние и со временем нормализовать общественную жизнь и перестроить экономическую базу. Хотя, конечно, должен признать, это будет далеко не просто и, скорей всего, потребует внесения достаточно серьёзных изменений в политическом устройстве нашего государства. Быть может, даже стоит задуматься над вопросом реставрации монархического строя, но пока об этом рассуждать преждевременно. Такие судьбоносные вопросы необходимо обсуждать в куда более расширенном и представительном составе...

Отставной генерал Корнев на несколько мгновений замер, словно солевой столб, с чуть расширившимися зрачками всматриваясь в спокойное лицо собеседника. Спустя минуты три он, собравшись с духом, неожиданно осипшим голосом задал вопрос:

– Насчёт монархии – это что, шутка такая или какой-то розыгрыш, рассчитанный на слабонервных?

– Нисколько, я говорю совершенно серьёзно. Думается мне, именно такой вариант решит главные наши проблемы преемственности власти, – с лёгкой усмешкой проворчал Корзун и, пригубив бокал, сделал сразу несколько глотков вина. С видимым удовольствием выдохнув, он поставил бокал и продолжил говорить: – Ты вот сам подумай на досуге над этой мыслью, а когда что-нибудь толковое надумаешь, дай знать, мы с тобой серьёзно поговорим и обсудим, стоит ли вообще игра свеч и каковы наши перспективы в данном раскладе.

– Хорошо, я непременно обмозгую твою идею, и вот тогда мы действительно поговорим, – согласился с предложением Корнев, пребывая в крайне ошарашенном состоянии, услышать такое из уст заместителя начальника Генерального штаба он никак не ожидал...

– В таком случае от второго блюда я буду вынужден отказаться, время поджидает, хотя аромат от него исходит сногшибательный, – особо не скрывая своего приподнятого настроения, проговорил генерал Корзун и, пожелав всего

наилучшего, поднялся и неспешной походкой направился на выход.

Глава 7

Генерал Корзун ушёл, но ещё долгое время Андрей Алексеевич сидел в глубочайшей задумчивости, он сидел и напряжённо размышлял. Заместитель начальника Генерального штаба, с одной стороны, ничего не сказал, но с другой – дал вполне достаточно информации для размышлений. Подозрения его в том, что Бобров был проектом некоторых высокопоставленных представителей истеблишмента, после произошедшего разговора только укрепились. Проект оказался, надо признать, крайне удачным. Быть может, изначально данная интрига рассчитывалась для выполнения какой-то определённой задачи, но в какой-то момент неожиданно выяснилось, что созданный инструмент оказался невероятно эффективным и многофункциональным орудием, вот только... Вот только орудие это в последнее время встало крепко на ноги и приобрело неслыханную самостоятельность и независимость от своих создателей.

По сути, Бобров и подчинённые ему тяжеловооружённые отряды стали реальной силой, с которой не считаться никто себе позволить уже не мог. Очень многие с огромным бы желанием подчинили себе эту силу для решения своих проблем, но это было не так-то и просто. Бобров был совершенно недоступен для каких-либо переговоров, от слова совсем. На связь с ним пытались выйти многие, но безрезультатно. Мало того, командный состав Бастиона также категорически игнорировал любые попытки начать с ними хоть какой-нибудь диалог. Проблема усугублялась ещё и тем, что поимённый список командования никем не признанной официально армии был практически никому не известен. Помимо самого Боброва были известны лишь имена одного отставного генерала, являющегося военным комендантом Бастиона, и двух адмиралов ВКС в отставке, и это всё. Все эти люди, без всякого сомнения, были очень способными офицерами, но самостоятельными фигурами они не являлись, да и быть ими не могли в принципе. Самостоятельной фигурой в этой компании мог быть только Корнелиус, да и то с некоторыми оговорками, но в любом случае озвученное имя в командовании никем не признанной армии дорогого стоило. Такие сведения открывали лично для него окно немалых возможностей, и над этим следовало основательно поразмыслить, чтобы в полной мере воспользоваться открывшейся возможностью значительно улучшить свой социальный статус и благосостояние...

Уйдя глубоко в себя, генерал Корнев даже не обратил внимания, как дверь в кабину открылась и в помещение вошёл статный мужчина неопределённого возраста, по которому опытный взгляд сразу бы определил, что он наделён немалой властью и давно привык повелевать и добиваться выполнения своих приказов. Неизвестный, взглядевшись в ничего не видящие вокруг себя глаза Корнева, хмыкнул и, присев напротив него, нарочито громко кашлянул. Отставной генерал моментально пришёл в себя и, увидев напротив себя человека, непроизвольно вскочил с кресла и, вытянувшись по струнке, попытался произнести доклад.

– Отставить, Андрей Алексеевич, обойдёмся без церемоний, да и не строевой это плац, на самом деле, а вполне себе respectable ресторан для приличной публики, – мягко отозвался мужчина, поправив старомодный галстук.

Спустив сквозь зубы воздух, Корнев присел и произнёс:

– Добрый день, Валентин Тимофеевич, вот уж не думал, что вы сами сюда придёте, ведь я собирался сразу после беседы с генералом Корзуном направиться к вам с отчётом.

– Прогуляться мне захотелось и проветрится, ну и заодно поскорее выяснить, удалось ли тебе разговорить нашего бравого генерала и вывести его на откровенность, – с напускной беззаботностью отозвался Валентин Тимофеевич Громов, являющийся вторым заместителем директора Института стратегических исследований и планирования, входящего в вертикаль министра госбезопасности генерал-полковника Евгения Гончаренко.

– И да и нет, – честно признал Корнев, – с одной стороны, он практически ничего не сказал, а с другой – озвучил ранее неизвестное никому имя человека из ближайшего окружения Боброва.

– И кто же это такой, позвольте полюбопытствовать? – приподняв правую бровь, задал вопрос Громов, особо не скрывая своей заинтересованности, хотя это никогда не входило в его привычки, слишком скрытным он был человеком.

– Это вам хорошо известный Корнелиус, бывший начальник личной службы безопасности спикера Сената.

– Вот даже как, право слово – неожиданно... – нахмурившись, протянул Громов, услышав совершенно неожиданную для него информацию, осмыслить которую следовало основательно. В глубокой задумчивости помолчав некоторое время, Громов взглянул в глаза отставному генералу и задал тому интересующий его вопрос:

– Как думаете, Андрей Алексеевич, Корнелиус сам по себе, или за его спиной стоят какие-то могущественные и влиятельные структуры и организации?

– Вот так сразу и однозначно я ответить не смогу, быть может, да, а может быть, и нет, но мне думается, что всё-таки он далеко не одиночка. Построить такую мощную структуру, да ещё и достаточно автономную, в одиночку практически нереально. Для этого надо быть самым настоящим гением, а Корнелиуса я, при всём уважении к его способностям, таковым не считаю. Вот только есть один вопрос, кто из них, Корнелиус или Бобров, главный в этом тандеме? Формально, конечно, Бобров числится, а Корнелиус вроде как серый кардинал при нём, но далеко не факт. Кто такой бывший начальник личной службы безопасности спикера Сената, нам достаточно хорошо известно, а вот кто такой Бобров и кто за ним может стоять, я теряюсь в догадках. Слишком уж фигура загадочная, так как какую-либо достоверную и объективную информацию о нём получить не представляется возможным. По крайней мере, мне это не удалось, быть может, это получится у вас, возможностей-то куда более в ваших руках, нежели у меня самого.

Громов в глубокой задумчивости молчал, размышляя, как ему поступить. Он давно хотел узнать всё о Боброве, но все попытки его подчинённых нарывать сколько-нибудь толковую информацию ни к чему не привели. Имелись лишь общедоступные сведения, и больше вообще ничего, но с этим можно было смириться, а вот то обстоятельство, что невозможно было выяснить, кто за его спиной стоит, выводило из равновесия.

– Хорошо, пусть так, мы действительно этого не знаем, но, к моему глубокому сожалению, у нас иной реальной фигуры что-то особо не видно. Бобров на сегодняшний день единственная... ну, почти единственная фигура, имеющая реальную силу, помноженную на авторитет и вероятное влияние. Он нам необходим, но вот как на него выйти и наладить взаимовыгодный диалог и сотрудничество, большой вопрос...

Замолчав, Громов поднялся и, неспешно подойдя к окну, стал задумчиво всматриваться в сцену, хотя происходящее там действо и великолепная игра профессиональных лицедеёв его совершенно не интересовали, он напряжённо размышлял о своём наболевшем. Курируемая им спецлаборатория по личному распоряжению министра госбезопасности на протяжении нескольких лет проводила исследования, и результат этого титанического труда оказался удручающим. Различные элитные группировки, несмотря на своё извечное жёсткое конкурентное противостояние, не сговариваясь, целенаправленно вымывали с политического поля потенциально сильных лидеров. Они им не были нужны вообще, в них виделась лишь серьёзная угроза, и в результате возникшего кризиса и жесточайшего обострения противостояния, усугубившегося вторжением в ареал человечества армады иной расы, делать ставку оказалось практически не на кого.

Результат оказался крайне печальным: свары, борьба за власть, ресурсы и контроль над информационными потоками, а также за инструменты манипуляции коллективным бессознательным в своих корыстных интересах, лишили общество силы воли. Да что там, они практически лишили народ пассионарной энергии. Хотя, конечно, многое осталось, да и внешняя агрессия поспособствовала хоть какому-то объединению, но этого явно было мало, требовались решительные шаги по исправлению сложившейся ситуации...

Минут десять Громов стоял и, безучастно наблюдая за великолепной игрой профессиональных актёров, напряжённо размышлял, прикидывая в уме всевозможные варианты и их комбинации с вариациями. Мыслей в его голове проносилось бесчисленное количество, отчего начало покалывать в висках и затылке. Сильным волевым усилием Громов остановил этот поток размышлений и, резко отвернувшись от окна, подошёл к столу и, присев, внимательно посмотрел в глаза своего собеседника и слегка нервным тоном распорядился:

– Андрей Алексеевич, слушайте меня внимательно, вы завтра вылетайте на Бастион, делайте что хотите, но встретьтесь с Бобровым. С ним жизненно необходимо наладить устойчивый контакт, думаю, генерал Гудза вам в этом поможет. Предлагайте всё что угодно, помощь деньгами, добровольцами, различными вооружениями и запасными частями с боеприпасами, высокими связями, в конце концов, на что-нибудь он всё равно поведётся. Главное его зацепить и втянуть в диалог, а там уж моё дело, найдём, чем его всерьёз заинтересовать. Поспешите, Андрей Алексеевич, времени на раскачку нет совершенно, вам необходимо вылететь завтра не позднее девяти утра, так как

по сообщению разведуправления по направлению к Бастиону выдвинулись значительные силы вражеской армады вторжения. На скоростном малом адмиралтейском курьере, снаряжённом как разведывательный борт, вы опередите их более чем на пятьдесят часов, так что кое-какой временной лаг у вас будет. Повторяю, делайте что посчитаете нужным, в ваших руках абсолютный карт-бланш на любые действия, но результат выдайте, без него можете даже на Новый Санкт-Петербург не возвращаться.

Внимательно выслушав распоряжение, генерал Корнев некоторое время напряжённо размышлял, и мысли эти были весьма неприятны для него. По сути, задачу ему поставили практически невыполнимую, то ли в действительности дела были настолько плохи, то ли от него избавиться захотели под вполне благовидным предлогом, не столь уж и важно, главное – итог почти predetermined, но именно что почти. Кое-какие шансы всё же имелись, и Корнев не собирался отступить, он намеревался эти пусть и крохотные шансы использовать в полной мере...

– Хорошо, Андрей Алексеевич, я полечу, правда, не завтра, а часа так через три, времени слишком уж мало, – чуть качнувшись вперёд, проговорил Корнев и, резко поднявшись, попрощался с Громовым и решительным шагом направился на выход. Проводив взглядом уходящего генерала в отставке, Громов в задумчивости посидел какое-то время и, бросив короткий взгляд на сцену и тяжело вздохнув, медленно поднялся и неспешно вышел в коридор и пошёл на парковку, где его ожидал служебный глайдер. Выйдя на улицу, Громов, полной грудью вобрав в лёгкие свежий воздух, постоял несколько мгновений и, погрузившись в салон, полетел в Министерство государственной безопасности, располагающееся в самом центре столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/gulevich_aleksandr/k-boyu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)